

Чарльз Ледбитер

Ясновидение

Глава I

ЧТО ТАКОЕ ЯСНОВИДЕНИЕ?

Непроявленные способности. — Вибрации. — Расширенное зрение. Астральные органы чувств. — Свойство буддхического плана. Влияние гипноза. — Первые проявления ясновидения. — Классификация.

Слово "ясновидение" в буквальном своём значении ничего иного не выражает, кроме "ясного видения"; словом этим очень злоупотребляли и даже низвели его до того, что часто понимают под ним обманы фокусников и шарлатанов. Но и в самом ограниченном своём смысле оно охватывает широкий ряд явлений, до такой степени различных по характеру, что нелегко дать такое определение этого слова, которое было бы одновременно и сжатым, и точным. Его называли "духовным зрением", но никакое другое название не могло бы ввести в такое заблуждение, как это, потому что в огромном большинстве случаев нет способности, связанной с ясновидением, которая имела бы малейшую претензию на такое высокое наименование.

Для целей нашего исследования мы можем определить ясновидение, как способность видеть то, что скрыто от обычного физического зрения. Следует также заранее заметить, что оно очень часто (хотя ни в коем случае не всегда) сопровождается так называемым яснослышанием, или способностью слышать то, что неслышно для обыкновенного физического уха; и мы будем намеренно употреблять общий термин ясновидение, как включающий в себя и эту вторую способность, чтобы избежать постоянного неуклюжего повторения двух длинных слов, когда одного совершенно достаточно.

Позвольте мне, прежде чем начать, выяснить два пункта. Во-первых, я пишу не для тех, кто не верит в то, что существует такое явление, как ясновидение, и не хочу убеждать тех, кто сомневается по этому поводу; в моём небольшом труде у меня нет на это и места; такие люди должны изучать те многочисленные книги, которые содержат описания случаев, или сами делать опыты в области магнетизма.

Я обращаюсь к более сведущим людям, которые знают, что ясновидение существует, и настолько заинтересованы самим предметом, что будут рады сведениям, касающимся его методов и возможностей; и я могу уверить их, что всё то, что я пишу, есть результат серьёзного изучения и опыта, и что хотя некоторые из способностей, которые я должен буду описать, могут показаться им новыми и удивительными, — я не привожу ни одной, примера которой не видел бы сам.

Во-вторых, хотя я буду стараться, насколько возможно, избегать технических выражений, — всё же, так как я главным образом пишу для тех, кто изучает Теософию, я буду позволять себе приводить иногда для краткости и без подробных объяснений обычные теософические термины, знакомство с которыми я несомненно могу предположить.

Если эта книжка попадёт в руки тех, для кого употребление этих терминов представляет некоторые затруднения, я могу только извиниться перед ними и отослать их для предварительных объяснений к любому руководству по Теософии, как например "Древняя мудрость" (Ancient Wisdom) Анни Безант, или её же — "Человек и его тела" (Man and his Bodies). Дело в том, что вся теософическая система так тесно связана, и её различные части находятся в такой зависимости друг от друга, что полное объяснение каждого употреблённого здесь термина может повлечь за собой целый трактат по Теософии в качестве предисловия даже к этому краткому исследованию ясновидения.

Тем не менее, прежде чем пытаться дать подробное объяснение ясновидения, нам необходимо будет посвятить немного времени кое-каким предварительным соображениям для того, чтобы лучше выяснить себе некоторые общие факты, касающиеся различных планов, на которых возможно упражнять ясновидение, и условий, делающих возможным это упражнение.

Теософическая литература постоянно доказывает нам, что все эти высшие способности скоро должны сделаться достоянием всего человечества, что способность ясновидения, например, находится потенциально в каждом, и что те, в которых она уже проявляется, просто в этом

отношении немного опередили нас. Это утверждение совершенно правильно, и все же оно кажется и неясным, и неосновательным большинству людей, просто потому, что они смотрят на подобную способность, как на нечто совершенно непохожее на все то, что они до тех пор испытывали, и вполне уверены в том, что сами они, во всяком случае, далеки от ее развития.

Быть может, нам будет легче рассеять это ощущение нереальности, если мы попытаемся понять, что ясновидение, как и многие другие явления природы, есть, главным образом, вопрос вибраций, и на деле представляет собой лишь более широкое развитие сил, которыми мы все пользуемся каждый день всю свою жизнь. Мы все живем, окруженные обширным морем воздуха и эфира, причем последний проникает первый, как и всякую физическую материю; и преимущественно благодаря вибрациям в этом обширном море материи — впечатления извне доходят до нас. Это мы все знаем, но, быть может, многим из нас никогда не приходило в голову, что количество тех вибраций, на которые мы способны отвечать, в сущности бесконечно мало.

Среди чрезвычайно быстрых вибраций, действующих на эфир, известен небольшой ряд их, — очень небольшой ряд, — на который ретина человеческого глаза способна отвечать, и эти особые вибрации вызывают в нас ощущение, которое мы называем светом. Иначе говоря, мы способны видеть только те предметы, от которых этот специальный свет может исходить или отражаться.

Точно так же барабанная перепонка человеческого уха способна отвечать на определенный очень небольшой ряд сравнительно медленных вибраций, достаточно медленных, чтобы подействовать на окружающий нас воздух; и таким образом мы способны слышать только те звуки, которые производятся предметами, способными вибрировать с некоторой скоростью в этой специальной области.

Относительно обоих этих случаев наука прекрасно знает, что существует большое число вибраций выше и ниже этих двух групп, и что, следовательно, есть много света, которого мы не можем видеть, и много звуков, к которым ухо наше глухо.

Что касается света, то действие этих высших и низших вибраций можно легко заметить по результатам, даваемым актиническими лучами на одном конце спектра и тепловыми лучами — на другом.

В действительности существуют вибрации всех возможных степеней скорости, наполняющие все обширное пространство, лежащее между медленными звуковыми волнами и быстрыми — световыми; но и это еще не все, потому что несомненно существуют вибрации более медленные, чем вибрации слуха, и бесконечное множество таких, которые быстрее вибраций, известных нам, как свет. Таким образом, мы начинаем понимать, что вибрации, с помощью которых мы видим и слышим, подобны двум маленьким группам небольшого количества струн, взятых из огромной арфы, величина которой бесконечна; и когда мы подумаем — как много мы смогли узнать и сколько мы сделали выводов с помощью этих небольших отрывков, мы смутно представим себе, какие возможности могли бы лежать перед нами, если бы мы были в состоянии пользоваться обширным и чудесным целым. В связи с этим нужно обратить внимание еще и на тот факт, что различные человеческие существа очень отличаются друг от друга (хотя и в сравнительно узких границах) по своей способности отвечать даже на те немногие вибрации, которые доступны нашим физическим чувствам. Я говорю не об остроте зрения или слуха, благодаря которой один человек может видеть более бледный предмет или слышать более тихий звук, чем другой; дело идет здесь совсем не о силе зрения, а о пределах восприимчивости.

Например, если вы возьмете хорошую сернисто-углеродную призму и с ее помощью отбросите отчетливый спектр на листе белой бумаги, а затем попросите нескольких человек отметить на бумаге крайние пределы спектра, как они их видят, — вы можете быть уверены в том, что зрительные способности у них окажутся различными.

Некоторые увидят фиолетовый цвет гораздо дальше, чем другие; другие, быть может, увидят меньше фиолетового, чем большинство, но зато будут дальше видеть с красного конца. Быть может, найдутся немногие, которые увидят дальше обыкновенного с обоих концов, и это почти наверное будут так называемые сенситивные люди, отвечающие на гораздо большее количество вибраций, чем большинство людей нашего времени.

Что касается слуха, то и здесь можно подметить то же самое различие, взяв звук не слишком высокий для слуха, как бы на самой границе слышимости, и обнаружив, многие ли среди данного числа людей способны его услышать. Обычный пример подобного звука, — это писк летучей мыши, и опыт покажет, что летним вечером, когда воздух полон острыми, булавочными криками этих маленьких животных, очень многие будут абсолютно нечувствительны к ним и не в состоянии услышать ровно ничего.

Эти примеры ясно показывают, что не существует точно определенной границы для человеческой способности отвечать на эфирные и на воздушные вибрации, что у некоторых из нас эта способность уже сильнее, чем у других; и мы найдем также, что способность одного и того же человека в различных случаях бывает различна.

Поэтому нам нетрудно будет представить себе, что человек может развить в себе эту способность и благодаря этому со временем научиться видеть многое, что невидимо для его братьев-людей, и слышать многое, что для них неслышно, — так как мы очень хорошо знаем, что огромное количество добавочных вибраций существует и просто как бы ожидает своего признания.

Опыты с рентгеновскими лучами дают нам пример тех поразительных результатов, которые получаются, когда даже очень немногие из этих добавочных вибраций становятся доступны человеку; прозрачность для этих лучей многих субстанций, которые до тех пор считались непрозрачными, сразу указывает нам по крайней мере на одну возможность объяснить такой элементарный вид ясновидения, как способность прочесть письмо, лежащее в закрытом ящике, или описать людей, находящихся в соседней квартире. Научиться видеть с помощью рентгеновских лучей в добавление к тем, которыми мы обычно пользуемся, будет совершенно достаточно для того, чтобы дать возможность каждому сделать магический фокус в этом роде.

До сих пор мы принимали во внимание только область чисто физических чувств человека; если же мы вспомним, что эфирное тело человека в сущности есть лишь более тонкая часть его физической оболочки, и что поэтому все его органы чувств заключают в себе большое количество эфирной материи различных степеней плотности, причем свойства этой материи до сих пор еще находятся у большинства из нас в скрытом состоянии, — то мы увидим, что если даже мы будем развиваться в одном лишь этом направлении, то уже и тогда перед нами раскроются различные и огромные возможности.

Но наряду с этим и помимо всего этого мы знаем, что человек обладает астральным и ментальным телом и что каждое из этих тел со временем может быть пробуждено к деятельности и начнет соответственно отвечать вибрациям материи своего плана, открывая таким образом перед "Его" по мере того, как оно будет учиться действовать при помощи этих проводников, два совершенно новых и обширнейших мира знания и силы. Эти новые миры, которые все находятся вокруг нас и свободно проникают друг в друга, нельзя считать различными и несвязанными друг с другом по составу, но, скорее, переходящими один в другой, причем низший астральный образует прямое продолжение высшего физического, точно так же, как низший ментальный в свою очередь образует прямое продолжение высшего астрального. Мы не должны, думая о них, воображать себе какой-нибудь новый и странный вид материи, но просто представить себе обыкновенную физическую материю, которая так разрежена и действует так быстро, что вводит нас в совершенно новые условия и свойства.

Тогда нам легче будет понять возможность упорного и постепенного расширения наших чувств так, чтобы и зрением и слухом мы стали бы способны воспринимать гораздо более высокие и гораздо более низкие вибрации, чем обыкновенно. Большая группа этих добавочных вибраций будет все еще принадлежать физическому плану и просто даст нам возможность получать впечатления от эфирной части этого плана, которая в настоящее время для нас представляет собой закрытую книгу. Подобные впечатления все еще будут получаться через ретину глаза; конечно, они будут действовать больше на его эфирную, чем на его плотную материю, но тем не менее мы можем считать, что они действуют лишь на один орган, специализировавшийся для получения их, а не на всю поверхность эфирного тела.

Однако, бывают такие сверхнормальные случаи, когда другие части эфирного тела отвечают на эти добавочные вибрации так же охотно или даже охотнее, чем глаз.

Эти причудливые случаи можно объяснить различно, но главным образом их можно считать следствием частичного астрального развития, так как оказывается, что сенситивные части тела почти неизменно соответствуют тому или другому из чакр или центров жизненности в астральном теле. И хотя эти центры (если астральное сознание не развито) могут еще и не действовать на своем собственном плане, но они уже достаточно сильны, чтобы возбуждать более живую деятельность в эфирной материи, которую они проникают.

Что касается самих астральных чувств, то здесь условия деятельности совершенно иные. У астрального тела нет специальных органов чувств, факт, который, пожалуй, требует некоторых объяснений, так как многие изучающие предмет и старающиеся понять его физиологию, по-видимому, затрудняются примирить его со сделанным утверждением относительно полного

проникновения физического тела астральной материей, правильного соответствия между обоими проводниками и тем, что каждый физический объект непременно имеет свой астральный дубликат.

Все эти утверждения верны и все же вполне возможно, что люди, которые в нормальном своем состоянии не видят астрально, могут ошибочно понять их.

Каждое состояние физической материи имеет свое соответствующее состояние астральной материи, находящееся с ним в постоянной связи и отделяющееся от него только при помощи очень значительного напряжения оккультной силы; но и тогда даже они только держатся в стороне одно от другого до тех пор, пока сила определенно действует в этом направлении. Но при всем том астральные частицы соединены между собой гораздо свободнее, чем соответствующие им физические частицы. В железной полосе, например, мы имеем массу физических молекул в твердом состоянии, иначе говоря, способных лишь на сравнительно небольшие перемены в их взаимном положении, хотя каждая из них вибрирует ко страшной быстротой в своей собственной сфере. Астральный дубликат этой полосы состоит из того, что мы часто называем плотной астральной материей, то есть из материи нижнего и наиболее плотного подплана астрала; но тем не менее ее частицы непрестанно и быстро меняют свое положение друг относительно друга, передвигаясь с легкостью частиц жидкости на физическом плане. Таким образом, нет прочной связи между каждой физической частицей и тем количеством астральной материи, которая в любой данный момент может оказаться ее дубликатом.

Это относится также и к астральному телу человека, которое для нашей цели мы на минуту можем рассматривать, как состоящее из двух частей — из более плотного соединения, занимающего точное положение физического тела, и из облака более редкой астральной материи, которое окружает это соединение. В обеих этих частях и между ними обеими непрестанно происходит уже описанное взаимно-проникающее круговое обращение частиц, так что наблюдающему движение молекул в астральном теле оно кажется похожим на движение частиц в воде, кипящей ключом.

Раз это так, то уже легко понять, что хотя каждый данный орган физического тела должен всегда иметь в качестве дубликата известное количество астральной материи, но орган этот не задерживает те же самые частицы больше, чем на несколько секунд, а, следовательно, здесь нет ничего, соответствующего специализации физической нервной материи в зрительные и слуховые нервы и т. д.

Таким образом, хотя физический глаз или ухо несомненно всегда имеет свой дубликат из астральной материи, — эта специальная часть астральной материи не более (и не менее) способна отвечать на вибрации, вызывающие астральное зрение или астральный слух, чем любая другая часть проводника.

Никогда не нужно забывать, что, хотя мы для того, чтобы быть понятыми, постоянно будем говорить об "астральном зрении" или "астральном слухе", — под этими выражениями мы лишь подразумеваем способность отвечать на такие вибрации, которые доставляют сознанию человека, когда он действует в своем астральном теле, сведения того же характера, какие передаются ему с помощью его глаз и ушей, когда он находится в физическом теле. Но в совершенно иных астральных условиях специальные органы вовсе не необходимы для достижения этого результата; в каждой части астрального тела есть материя, которая способна так отвечать, и, следовательно, человек, действующий в этом проводнике, видит одинаково хорошо предметы, находящиеся сзади него, вверху или внизу, не поворачивая даже головы.

Однако, здесь ость еще и другой пункт, который едва ли справедливо будет совсем не принять во внимание, — это вопросе о "чакрах", о которых упоминалось выше.

Изучающие Теософию знакомы с идеей существования, как в астральном, так и в эфирном теле человека, известных центров силы, которые поочередно должны оживотворяться священным огненным змеем по мере того, как человек подвигается в своей эволюции. Хотя эти центры нельзя назвать органами в обычном смысле слова, так как нельзя сказать, что только с их помощью человек слышит или видит, как в физической жизни он это делает с помощью глаз и ушей, — однако, по-видимому, сила деятельности астральных чувств в большой степени зависит от их оживления, так как каждый из этих центров, развиваясь, дает всему астральному телу силу отвечать на целый ряд новых вибраций.

Но и эти центры не имеют связанного с ними постоянного сочетания астральной материи. Это просто вихри в материи тела, вихри, через которые все частицы проходят поочередно, это те пункты, через которые высшая сила с более высоких планов передается астральному телу. Но и это описание дает очень неполное представление об их наружном виде; потому что на самом деле это — вихри четырех измерений, так что сила, которая проходит через них и служит причиной их

существования, как будто ниоткуда не вливается в них. Но во всяком случае, раз все частицы поочередно проходят сквозь каждый из них, — будет ясно, что таким образом становится возможным для каждой из них в свою очередь — возбуждать во всех частях тела отзывчивость на известный ряд вибраций, так что все астральные чувства одинаково активны во всех частях тела.

Зрение деваканического или ментального плана опять-таки совсем иное; здесь мы уже не можем говорить об отдельных чувствах, как зрение или слух, но должны скорее предположить одно общее чувство, которое так совершенно отвечает на достигающие его вибрации, что когда какой-либо объект входит в область его видения, оно сразу постигает его вполне и как бы видит его, слышит и чувствует, и знает все, что можно знать о нем, одним мгновенным действием.

Но даже и эта чудесная способность отличается только по степени, а не по качеству от тех способностей, которыми мы владеем в настоящее время; на ментальном плане так же, как и на физическом, впечатления все еще передаются посредством вибраций, идущих от наблюдаемого объекта к наблюдающему.

На буддхическом плане мы встречаемся в первый раз с совершенно новым свойством, не имеющим ничего общего с теми, о которых мы говорили, так как здесь человек познает всякий объект с помощью совсем иного метода, в котором внешние вибрации не играют никакой роли. Объект становится частью его самого, и он изучает его изнутри, а не извне. Но с этим свойством обычное ясновидение не имеет ничего общего.

Полное или частичное развитие какого-либо из описанных свойств подойдет под наше определение ясновидения, как способности видеть то, что скрыто от обычного физического зрения. Но эти свойства могут быть развиваемы различными способами, и хорошо будет сказать несколько слов относительно этих способов.

Мы можем предположить, что если бы человек мог во время своей эволюции совершенно изолироваться от всех внешних влияний, кроме самых мягких, и с самого начала развиваться совершенно правильно и нормально, он мог бы, вероятно, так же правильно развить свои чувства. Его физические чувства постепенно стали бы расширяться до тех пор, пока не начали бы отвечать на все физические вибрации не только более плотной материи, но и эфирной; затем в последовательном порядке явились бы чувствительность к более плотной части астрального плана, а потом к более тонкой его части, пока наконец в свое время не пробудилась бы в свою очередь и деваканическая способность.

Но в действительной жизни такое правильное развитие едва ли когда-либо было возможно, и у многих людей бывают случайные проблески астрального сознания без всякого пробуждения эфирного зрения. Эта-то неправильность развития и есть одна из главных причин необыкновенной склонности человека ошибаться в деле ясновидения, склонности, которой можно избежать только пройдя долгий курс тщательного обучения у знающего Учителя.

Все, изучающие теософическую литературу, хорошо знают, что таких Учителей можно найти, что даже и в наш материалистический век остается в силе старое изречение: "когда ученик готов, готов и Учитель", или "если ученик способен войти в зал учения, он всегда найдет там Учителя". Они хорошо знают также, что только под таким руководством человек может безопасно и уверенно развить дремлющие в нем силы, так как им известно — до какой степени легко неопытному ясновидящему обмануться относительно значения и ценности, того, что он видит, или даже совершенно исказить то, что он видит, перенося свое видение в физическое сознание.

Но не следует думать, что даже у ученика, получающего правильные наставления относительно пользования своими оккультными силами, силы эти будут раскрываться именно в том правильном порядке, о котором упоминалось выше, как о возможном идеале. Если, например, его предшествовавшее развитие было совсем иное, это могло бы и не явиться для него наиболее легким и желательным путем. Но, во всяком случае, ученик находится в руках того, у кого есть все данные, чтобы быть его руководителем в духовном развитии, и он вполне удовлетворен тем, что путь, по которому его направляют, будет для него наилучшим путем.

У ученика есть еще другое огромное преимущество, именно то, что какие бы способности он не приобрел, они находятся вполне в его власти, и он может ими в полной мере и постоянно пользоваться, когда они ему нужны для его теософической работы; между тем как у человека, не проходящего школу обучения, подобные силы часто проявляются частично и случайно и, по-видимому приходят и уходят как бы по своей доброй воле.

Нам могут справедливо возразить, что если установлено, что способность ясновидения есть одна из сторон оккультного развития человека и, таким образом, как бы признак известного прогресса в этом направлении, то странно, что ею часто обладают первобытные народы, или

невежественные и некультурные люди нашей расы, люди, которые явно совсем неразвиты, с какой бы точки зрения на них ни смотреть.

Несомненно, это поражает с первого взгляда; но дело в том, что сенситивность дикаря или грубого и вульгарного европейского невежды, в сущности вовсе не то же самое, что способность его правильно тренированного брата, и достигается она совсем не тем путем.

Точное и подробное объяснение этой разницы завело бы нас в слишком темные технические подробности, но, быть может в общих чертах различие это будет понятнее на примере, взятом из нашей области ясновидения, близко соприкасающейся с плотным физическим планом. Эфирный двойник человека очень тесно связан с его нервной системой, и всякое воздействие на один из них очень быстро отражается на другом. При спорадическом появлении эфирного зрения у дикаря, в Центральной ли Африке, или в Западной Европе, — замечено, что соответствующее нервное возбуждение лежит почти всецело в симпатической системе, и что все вместе находится вне контроля человека и есть скорее нечто вроде массивного ощущения, смутно принадлежащего всему эфирному телу, а не точное и определенное восприятие чувств, переданное через специальный орган.

В позднейших расах и при более высоком развитии, когда силы человека, главным образом, идут на эволюцию умственных способностей, эта смутная сенситивность обыкновенно исчезает; но еще позднее, когда начинает раскрываться духовный человек, он снова приобретает свою силу ясновидения. Но на этот раз — это способность определенная и точная, находящаяся под контролем человеческой воли и действующая через посредство определенного органа чувств; и достойно замечания, что всякое симпатическое нервное возбуждение лежит теперь, почти исключительно в системе спинного мозга.

Случайные проблески ясновидения бывают иногда и у высоко культурного и духовно развитого человека, даже если он, быть может, никогда и не слышал о возможности развития подобной способности. В этом случае подобные проблески обыкновенно указывают на то, что этот человек приближается к той ступени своей эволюции, когда эти силы начнут проявляться естественно, и появление их должно служить ему новым побудительным стимулом в борьбе за поддержание высокого знамени нравственной чистоты и духовного равновесия, без которых ясновидение является проклятием, а не благословением для своего обладателя.

Между людьми совершенно невосприимчивыми и такими, которые в совершенстве обладают силой ясновидения, есть много переходных ступеней. Одна из них, на которую стоит мимоходом обратить внимание, это та ступень, на которой человек хотя и не имеет способности ясновидения в обычной жизни, но обнаруживает эту способность более или менее совершенно под влиянием внушения (гипнотизма и магнетизма). В этих случаях психическая природа уже сенситивна, но сознание еще не способно функционировать в этом направлении среди разнообразных рассеяний физической жизни. Для того, чтобы пользоваться высшими способностями, которые только едва-едва начинают проявляться, сознание должно быть освобождено с помощью временного устранения внешних чувств в гипнотическом (магнетическом) трансе. Но, конечно, даже и в подобном трансе есть бесчисленные степени ясности, начиная от обыкновенного пациента, который совершенно ничего не воспринимает, до человека, сила зрения которого находится всецело под контролем оператора и может быть направлена куда он хочет, и кончая такими, более подвинутыми людьми, сознание которых, едва пробудившись, совершенно ускользает от власти магнетизера и парит в областях высшего видения, где его уже нельзя достигнуть.

Следующий шаг на том же пути, это когда нет уже необходимости в таком полном подавлении физических влияний, как при гипнотическом трансе, но способность сверхнормального зрения, которой все еще нет в бодрственном состоянии, начинает действовать, когда тело сковано обыкновенным сном. На этой ступени развития стояли многие пророки и ясновидцы; мы читаем о том, как "Бог предупреждал их во сне", или как они в молчаливые ночные часы общались с существами, стоящими гораздо выше их.

Большинство культурных людей высших рас развито до некоторой степени в этом направлении, то есть чувства их астральных тел вполне деятельны и прекрасно могут получать впечатления от предметов и существ соответствующего плана. Но для того, чтобы это имело хотя бы сколько-нибудь полезное значение для их здешней физической жизни, обыкновенно необходимы два новых условия: во-первых, нужно, чтобы "Его" пробудилось к реальностям астрального плана, разбило бы стену, которую образовали вокруг него собственные его бодрствования мысли, и оглянулось бы вокруг себя, чтобы наблюдать и учиться; и во-вторых, чтобы сознание сохранялось по возвращении "Его" в его физическое тело и позволяло бы ему запечатлевать в физическом мозгу воспоминание о том, что оно видело или узнало.

Если первое условие есть налицо, то второе уже не так важно, раз "Его", то есть истинный человек, способен пользоваться знаниями, получаемыми на этом плане, хотя бы у него и не было удовлетворения — перенести какое-либо воспоминание о них в свою здешнюю бодрственную жизнь.

Ученики часто спрашивают — как эта способность ясновидения впервые проявится в них самих, как они узнают, что достигли ступени, на которой начинают уже брезжить ее первые слабые признаки. Но невозможно дать на этот вопрос такой ответ, который был бы применим ко всем, так как случаи сильно разнятся между собой.

Некоторые люди начинают сразу, как бы внезапно окунувшись в это, и под влиянием какого-нибудь необычного стимула получают способность на один только раз — увидеть какое-нибудь поразительное видение; в подобных случаях, так как опыт уже больше не повторяется, человек, имевший видение, начинает думать, что он был жертвой галлюцинации. Другие начинают с того, что иногда становятся восприимчивыми к блестящей окраске и к вибрациям человеческой ауры. Некоторые все чаще и чаще начинают замечать за собой, что они видят и слышат нечто такое, к чему окружающие их слепы и глухи. Есть такие, которые видят лица, пейзажи или цветные облака, проносящиеся перед их глазами и в темноте перед сном. И, кажется, самый обычный из всех случаев, это — когда начинают вспоминать все с большей и большей ясностью виденное и слышанное на других планах во время сна.

Подготовив таким образом до некоторой степени нашу почву, мы можем продолжать рассматривать разнообразные явления ясновидения.

Они и по характеру и по степени так сильно различаются между собой, что нелегко остановиться на наиболее удовлетворительной их классификации. Мы могли бы, например, распределить их по роду зрения, которым пользовался ясновидящий, то есть — было ли то зрение деваканическое, астральное или эфирное. Мы могли бы разделить их по отношению к способностям ясновидящего, принимая в соображение: действовало ли его зрение регулярно, находясь под его контролем, или проявлялось случайно и независимо от его воли; мог ли он проявлять его только под влиянием гипнотизма, или эта помощь не была ему необходима; мог ли он пользоваться своей способностью в бодрственном состоянии физического тела, или же она проявлялась только тогда, когда он временно был разобщен с этим телом — во сне или в трансе.

Все эти различия имеют значение и, идя дальше, мы должны будем все их принять в соображение, но, быть может, наилучшей классификацией будет классификация, ближе всего подходящая к той, которую принял Синнетт в своей книге "Rationale of Mesmerism"; книгу эту, между прочим, все изучающие ясновидение, должны были бы прочесть.

Поэтому, рассматривая эти явления, мы будем сообразоваться с характером зрения больше, чем с планом, на котором это зрение проявляется; таким образом, мы можем сгруппировать примеры ясновидения под следующими заголовками.

1. Простое ясновидение, иначе говоря — простое раскрытие зрения; обладатель такого раскрытого зрения получает возможность видеть те астральные и эфирные существа, которые случайно находятся вокруг него, но не может наблюдать ни отдаленные места, ни сцены, принадлежащие какому-нибудь иному времени, кроме настоящего.

2. Ясновидение в пространстве — способность видеть сцены или события, отдаленные от видящего в пространстве, и либо слишком далекие для обычного наблюдения, либо скрытые заслоняющими их предметами.

3. Ясновидение во времени, то есть — способность видеть предметы или события, отдаленные от видящего во времени или, другими словами, способность глядеть в прошлое и в будущее.

Глава II

ПРОСТОЕ ЯСНОВИДЕНИЕ: ПОЛНОЕ

Эфирное зрение. — Эфирные существа. — Новые цвета. — Астральное зрение. — Насквозность. Аура. — Обитатели астрального мира. Непрерывное сознание. — Непосредственное познание.

Мы определяем простое ясновидение, как раскрытие эфирного или астрального зрения, дающее возможность обладателю этого зрения видеть то, что может находиться вокруг него на соответствующем уровне; но этот род ясновидения обыкновенно не сопровождается способностью видеть что-нибудь на большом расстоянии, или читать прошедшее и будущее. Конечно, едва ли

возможно совсем исключить эти последние способности, потому что область астрального зрения, несомненно, значительно шире, чем область зрения физического, и отрывочные картины прошедшего и будущего могут часто совершенно случайно представиться даже тем ясновидящим, которые не знают, как именно надо их искать; но тем не менее, есть очень существенная разница между подобными случайными проблесками и определенной способностью проекции зрения в пространство или во время.

Мы находим у сенситивных людей все степени этого рода ясновидения, начиная от смутных впечатлений, едва ли вообще заслуживающих названия зрения, и вплоть до полного обладания эфирным или астральным зрением. Быть может, проще всего будет начать с описания того, что можно видеть при полном развитии способности, так как тогда случаи частичного обладания ею, естественно, займут надлежащие им места.

Обратимся сначала к эфирному зрению. Как уже было сказано, оно заключается просто в чувствительности к большему, чем обыкновенно, ряду физических вибраций; но тем не менее, перед тем, кто обладает этим зрением, раскрывается многое такое, к чему большинство людей совершенно слепо. Посмотрим, какие перемены вызовет приобретение этой силы во внешнем виде обычных предметов, одушевленных и неодушевленных, и увидим тогда, какие совершенно новые условия оно вводит в нашу жизнь. Но нужно помнить, что то, о чем сейчас будет идти речь, есть результат только полного и совершенно сознательного обладания этой способностью, и что большинство примеров, с которыми мы встретимся в действительной жизни, будут далеко отставать в том или другом отношении.

Наиболее разительная перемена во внешнем виде неодушевленных предметов, вызванная приобретением этой способности, состоит в том, что многие из них становятся почти прозрачными, вследствие различия в длине волн некоторых вибраций, к которым человек сделался теперь восприимчивым. Теперь ему очень легко сделать баснословный фокус — "видеть сквозь кирпичную стену", так как для его новоприобретенного зрения кирпичная стена теперь не плотнее, чем легкий туман. И он видит все, что происходит в соседней комнате почти так, как будто бы промежуточной стены нет; он может с точностью описать содержимое запечатанного письма; при небольшой практике он может найти любое место в закрытой книге. Этот последний фокус, вполне легкий для человека, обладающего астральным зрением, представляет значительные трудности для того, кто пользуется зрением эфирным, вследствие того, что в последнем случае на каждую страницу приходится смотреть сквозь те, которые находятся сверху.

Часто спрашивают — всегда ли в таких случаях человек видит с помощью этого сверхнормального зрения или только тогда, когда хочет так видеть? Ответ на это следующий: если способность развита в совершенстве, она будет находиться всецело под контролем ясновидящего, и он может пользоваться или ею, или своим обычным зрением — по желанию. Он переходит от одного способа к другому так же легко и естественно, как мы теперь перемещаем фокус нашего зрения, когда поднимаем глаза от книги, чтобы следить за движениями предмета, находящегося вдали. Это как бы направление фокуса сознания на тот или другой аспект наблюдаемого явления, и хотя бы человек очень отчетливо видел тот аспект, на который в это мгновение устремлено его внимание, — он всегда будет смутно сознавать также и другой аспект, подобно тому, как направляя фокус нашего зрения на какой-нибудь предмет, который мы держим в руках, мы все же смутно видим противоположную стену комнаты на заднем плане.

Другая любопытная перемена, являющаяся вместе с обладанием эфирным зрением, заключается в том, что твердая земля, по которой человек ходит, становится до некоторой степени прозрачной для него, так что он может видеть вниз на порядочную глубину, вроде того, как мы можем видеть в чистой воде. Это позволяет ему рассмотреть существо, роющееся под землей, различить жилу каменного угля или металла, если они не очень далеко от поверхности и т. д.

Пределы эфирного зрения, когда глядят сквозь плотную материю, по-видимому, аналогичны пределам, которые накладываются на нас, когда мы смотрим сквозь воду или туман. Мы не можем видеть дальше известного расстояния, потому что среда, сквозь которую мы смотрим, не вполне прозрачна.

Внешний вид одушевленных предметов тоже значительно изменяется для человека, развившего до такой степени свои зрительные способности.

Тела людей и животных для него, в общем, прозрачны, так что он может наблюдать деятельность различных внутренних органов, а иногда даже ставить диагноз их заболеваний.

Расширенное зрение также позволяет ему более или менее ясно видеть различные разряды существ, элементаров и других, тела которых неспособны отражать лучи в пределах обыкновенного

видимого спектра. Среди этих существ находится некоторые из низших духов природы, тела которых состоят из более плотной эфирной материи.

К этому классу принадлежат почти все феи, гномы, домовые, о которых сохранилось еще так много рассказов в горах Шотландии и Ирландии и в уединенных загородных местах по всему свету.

Обширное царство духов природы, главным образом, царство астральное, но все же значительная часть его принадлежит к эфирной области физического плана и этот отдел, конечно, доступнее для обыкновенных людей, чем другие. И в самом деле, читая обычные волшебные рассказы, очень часто встречаешь определенные указания на то, что мы имеем дело здесь именно к этим классом. Все, изучающие волшебные легенды, вспомнят, как часто там упоминается о некоторых таинственных мазах и зельях, которые дают глазам человека способность видеть обитателей волшебного царства, где бы они не встретились. Рассказы об употреблении этих мазей и зелий и о том, что из этого выходило, повторяются постоянно и идут со всех концов мира, так что наверное за ними должна скрываться некоторая правда, как за всеми всемирными народными традициями. Одно такое смазывание глаз не может никоим образом раскрыть в человеке его астрального зрения, хотя некоторые мази, если втирать их во все тело, очень помогают астральному телу покинуть физическое в полном сознании, — факт, который был известен, по-видимому, и в средние века, как видно из свидетельских показаний, дававшихся во время некоторых процессов ведьм. Но применение этих средств к физическому глазу легко может настолько возбудить его чувствительность, что он сделается восприимчивым к некоторым эфирным вибрациям. В этих волшебных сказках часто говорится также о том, как человек пользовавшийся этим мистическим смазыванием, иногда выдает себя фее, и как эта фея бьет его по глазам или выкалывает их ему, лишая его таким образом не только эфирного зрения, но также и зрения более плотного физического плана. Если приобретенное зрение было астральным, подобная мера была бы совершенно бесполезной, потому что никакой вред, нанесенный физическому проводнику, не может подействовать на астральную способность; но если зрение, вызванное мазью, было эфирным, — то уничтожение физического глаза уничтожило бы и эфирное зрение, потому что глаз — это механизм, с помощью которого оно действует. Всякий, обладающий зрением, о котором идет речь, может так же видеть эфирный двойник человека; но этот последний до такой степени сходен по размеру с физическим человеком, что едва ли привлечет его внимание, разве лишь в том случае, если будет частично отделяться — в трансе или под каким-нибудь анестезирующим влиянием. После смерти, когда эфирный двойник совершенно отделяется от плотного тела, он виден очень ясно, и человек, обладающий эфирным зрением, проходя по церковному двору или кладбищу, будет часто видеть его над свежими могилами.

Присутствуя на спиритическом сеансе, такой человек увидит эфирную материю, исходящую от медиума и сможет наблюдать — какими различными способами пользуются ею сообщающиеся существа. Другой факт, который едва ли замедлит обнаружиться, это — расширение его восприимчивости к краскам. Он увидит совершенно новые цвета, нимало не похожие на известные нам теперь цвета спектра, и поэтому, конечно, неизобразимые никакими находящимися в нашем распоряжении словами. Он не только увидит новые предметы, целиком окрашенные в эти новые цвета, но обнаружит также, что и цвета хорошо известных ему предметов меняются, если в них есть какие-нибудь оттенки этих новых красок, смешанных со старыми. Таким образом, две цветные поверхности, которые обычному глазу покажутся совершенно одинаковыми, для его более острого зрения часто будут представлять совершенно различные оттенки.

Мы коснулись некоторых главнейших перемен, которые произойдут в мире человека, когда он приобретет эфирное зрение. И нужно всегда помнить, что в большинстве случаев соответствующая перемена произойдет одновременно во всей его восприимчивости, так что он сможет слышать и, быть может, даже ощущать больше, чем большинство окружающих. Предположим теперь, что в придачу к этому, он получит зрение астрального плана, — какие дальнейшие перемены можно будет заметить?

Перемен будет много и очень значительных. Поистине целый новый мир откроется перед его глазами. Отметим вкратце его чудеса в том же порядке, как раньше, и прежде всего посмотрим — как изменится внешний вид неодушевленных предметов. По этому поводу я для начала приведу интересный ответ, данный недавно в журнале "The Vahan".

Существует вполне определенная разница между зрением эфирным и астральным и, по-видимому, последнее соответствует четвертому измерению.

Легче всего понять эту разницу на примере. Если вы посмотрите на человека, пользуясь тем или другим зрением поочередно, вы, например, увидите пуговицы, пришитые сзади к его пальто, в

обоих случаях; но, пользуясь эфирным зрением, вы будете смотреть на эти пуговицы сквозь человека и в каждой пуговице будете видеть сначала ушко, как ближайшее к вам, а затем остальную ее часть; если же вы посмотрите астрально, то вы увидите эту пуговицу не только таким же образом, но и так, точно вы стояли бы позади этого человека.

Или же: если вы посмотрите, пользуясь эфирным зрением, на деревянный куб с надписями на всех его сторонах, у вас будет такое впечатление, точно этот куб стеклянный, так что вы можете видеть сквозь него, и вы увидите надпись на противоположной стороне куба задом наперед; надписи же с правой и левой стороны будут неясны для вас, потому что вы их будете видеть под углом. Но если вы посмотрите на куб астрально, вы увидите все его стороны сразу и все совершенно правильно так, что весь куб вытянут в плоскости перед вами, и так же хорошо вы увидите каждую часть его внутренних сторон и не сквозь другие, но все в уплощенном виде. Направление, с которого вы будете смотреть на куб, иное и лежит под прямым углом ко всем известным вам направлениям.

Если вы посмотрите, пользуясь эфирным зрением, на заднюю крышку часов, вы увидите сквозь нее все колесики, а сквозь колесики — циферблат, но задом наперед. Если же вы посмотрите на крышку астрально, вы увидите циферблат правильно и все колесики отдельно, и ничто не будет лежать одно на другом".

Здесь перед нами основной тон и главный фактор перемены: человек смотрит на все с абсолютно новой точки зрения, вне всего, что когда-либо представлял себе раньше. Теперь он сможет уже без всякого труда прочесть любую страницу в закрытой книге, потому что теперь он смотрит на нее не сквозь все другие страницы, лежащие сверху или снизу, но прямо на нее, как будто это единственная видимая страница. Глубина, на которой лежит жила металла или каменного угля, больше уже не служит для него препятствием, потому что теперь он смотрит уже не сквозь землю, лежащую между ним и жилой. Толщина стены или количество стен, находящихся между наблюдателем и объектом наблюдения, могут сильно мешать ясности эфирного зрения; но они же не представляют никаких затруднений для астрального зрения, потому что на астральном плане они не будут находиться между наблюдателем и наблюдаемым. Конечно, это звучит как нечто парадоксальное и невозможное, и это совершенно нельзя объяснить уму, не тренированному в этом направлении, но тем не менее это абсолютно верно.

Это переносит нас в самый центр многострадального вопроса о четвертом измерении.

Вопрос этот глубоко интересен, но мы не можем на нем долго останавливаться, потому что в нашем распоряжении нет для этого достаточно места. Желаящим изучить этот вопрос, как он того заслуживает, рекомендуется начать с "Scientific Romances" Хинтона или "Another World" д-ра Шеффилда, а затем перейти к обширному труду первого автора "A New Era of Thought".

Хинтон заявляет, что он не только может мысленно представить себе некоторые из простейших четырехмерных фигур, но настаивает также на том, что всякий, кто возьмет на себя труд последовать его указаниям, может при настойчивости добиться того же. Я не уверен в том, что эта возможность доступна всякому, как он думает, потому что, как мне кажется, это требует значительной математической подготовки, но я во всяком случае могу засвидетельствовать, что тессаракт или четырехмерный куб, который он описывает, — есть реальность, потому что это вполне обычная фигура на астральном плане.

Как известно, Е. П. Блаватская, намекая на теорию четвертого измерения, заметила, что это лишь неуклюжий способ постановки идеи о полной проницаемости материи, и В. Т. Стэд шел в том же направлении, представив своим читателям это понятие под названием "насквозность". Однако, тщательные, повторные и подробные исследования, по-видимому, совершенно решительно указывают на то, что это объяснение не охватывает всех фактов; его прекрасно можно применить к эфирному зрению, но только позднейшая и совершенно новая идея о четвертом измерении, изложенная Хинтоном, может объяснить нам постоянно наблюдаемые факты астрального зрения. Поэтому я решаюсь предположить, что когда Е. П. Блаватская написала это, она имела в виду эфирное зрение, а не астральное, и что возможность применить эту фразу к другой, более высокой способности, о которой она в ту минуту не думала, не пришла ей в голову. При последующем изложении нужно иметь в виду обладание этой необычайной, почти неопишуемой силой. Благодаря ей каждая точка любого твердого тела делается вполне доступной взгляду ясновидящего, совершенно так, как каждая точка внутри круга доступна взгляду человека, смотрящего на этот круг сверху.

Но даже и этим далеко не исчерпывается все то, что эта сила дает своему обладателю. Он начинает хорошо видеть не только внутреннюю и наружную сторону каждого предмета, но также и его астральный дубликат.

Каждый атом и каждая молекула физической материи имеет соответствующие астральные атомы и молекулы, и составленная из них масса отчетливо видна нашему ясновидящему. Обыкновенно, астрал любого предмета отбрасывается несколько за пределы физической его части и, таким образом, металлы, камни и другие предметы являются окруженными астральной аурой.

Сразу можно заметить, что даже при изучении неорганической материи человек страшно выигрывает, приобретя это зрение. Он не только видит бывшую прежде совершенно скрытой от него астральную часть каждого предмета; не только видит гораздо больше в физическом строении этого предмета, чем видел раньше, но даже и то, что было видимо ему и раньше, он теперь видит гораздо яснее и правильнее.

Сразу можно понять, что его новое зрение гораздо ближе подходит к правильному восприятию, чем физическое зрение. Например, если он посмотрит астрально на стеклянный куб, то стороны этого куба покажутся ему равными, и мы знаем, что так оно и есть; между тем как на физическом плане он видит дальнюю сторону в перспективе, то есть она кажется ему меньше, чем ближняя сторона, а это, разумеется, простая иллюзия, происходящая вследствие его физических ограничений.

Мы еще яснее увидим все преимущества астрального зрения, когда примем во внимание все те новые возможности, которые оно дает при наблюдениях одушевленных предметов. Оно показывает ясновидящему ауру растений и животных; и следовательно, в последнем случае, желания, эмоции и мысли, которые могут быть у этих животных, ясно раскрываются перед его глазами.

Но больше всего ясновидящий оценит значение этой способности при сношениях с человеческими существами и часто сможет оказывать им гораздо более действенную помощь, руководствуясь указаниями, которые она ему дает.

Он будет видеть ауру человека насколько простирается его астральное тело, и хотя при этом высшая сторона человека все еще останется скрытой от него, все же он сможет при внимательном наблюдении, на основании того, что ему доступно, изучить очень многое, касающееся этой высшей стороны. Его способность видеть эфирный двойник даст ему большие преимущества при определении любого дефекта или заболевания нервной системы, а по внешнему виду астрального тела он будет иметь возможность судить обо всех эмоциях, страстях, желаниях и склонностях находящегося перед ним человека и даже о многих его мыслях.

Для него человек будет окружен сияющим облаком астральной ауры, сверкающим всевозможными яркими красками и непрестанно изменяющим свой цвет и блеск при каждой вариации мысли или чувства человека. Он увидит эту ауру, залитую чудным розовым цветом чистой привязанности, роскошной голубизной преданности, жесткой, тускло-коричневой окраской себялюбия, ярким багрянцем гнева, страшной, угрюмой краснотой чувственности, синевато-серым оттенком страха, черными облаками ненависти и злобы; и многие другие указания, так легко читаемые опытным глазом, увидит он. И никому невозможно будет скрыть от него истинное состояние своих чувств по поводу чего бы то ни было.

Эти разнообразные указания ауры сами по себе представляют глубоко интересный предмет для изучения, но здесь у меня нет места говорить о них подробно.

Подробнее они рассматриваются мною в брошюре "Аура", а более обширная работа на эту тему имеется в виду.

В астральной ауре ясновидящий может прочесть временные следы проходящих сквозь нее в данный момент эмоций; и не только это: по расположению и пропорциям красок ауры, когда она находится в состоянии сравнительного покоя, он может судить об общем настроении и характере ее обладателя. Астральное тело постоянно выражает человека, поскольку может быть проявлено на том плане, и на основании того, что видно в нем, можно вывести достаточно верные заключения многом таком, что принадлежит к высшим планам. Когда наш ясновидящий хочет судить о характере данного лица, ему очень помогают мысли этого лица, поскольку они выражаются на астральном плане, и, следовательно, входят в круг его наблюдений. Истинный очаг мысли находится на ментальном или деваканическом плане, и всякая мысль прежде всего проявляется там, как вибрация духовного тела. Но если это будет хоть сколько-нибудь эгоистическая мысль, или если она будет хоть сколько-нибудь связана с волнением или желанием, она немедленно спустится на астральный план и примет на себя видимую форму астральной материи.

У большинства людей почти всякая мысль подпадает под одну из этих рубрик, так что фактически вся их личность целиком совершенно ясна астральному зрению нашего друга, и астральные тела их, так же, как и мыслеобразы, непрерывно излучающиеся из них, будут для него

как открытая книга, в которой их характеристики написаны так ясно, что ему очень легко их прочесть. Желаящего получить хоть какое-нибудь понятие о том, как мыслеобразы представляются ясновидящему, могут до некоторой степени удовлетворить иллюстрации к ценной статье Анни Безант на эту тему ("Люцифер", сентябрь, 1896 г.)^{*}.

Мы указали на некоторые из перемен во внешнем виде одушевленных и неодушевленных предметов, когда их видит человек, обладающий полным ясновидением астрального плана. Укажем теперь — какие совершенно новые предметы увидит ясновидящий. Он будет сознавать теперь гораздо большую полноту природы во всех направлениях, но главным образом его внимание привлекут живые обитатели этого нового мира. В нашем распоряжении сейчас нет места для подробного их описания; мы можем направить за этим читателя к N 5 "Theosophical Manuals".^{**} Здесь мы можем просто перечислить только несколько классов из обширного числа астральных жителей.

Ясновидящий будет поражен переменчивыми формами бесконечного потока элементарной сущности, все время волнующейся вокруг него, часто угрожающей ему, почти всегда отступающей перед определенным усилием воли. Он будет удивляться огромной армии существ, временно вызванных для отдельного существования из этого океана хорошими или дурными мыслями желаниями человека. Он будет наблюдать многочисленных духов природы за их работой или за их играми; а иногда ему возможно будет с возрастающей радостью следить за пышным расцветом некоторых существ из прекрасного царства дэв, которые приблизительно соответствуют легионам ангелов по христианской терминологии.

Но, быть может, еще более острый интерес представят для него человеческие обитатели астрального мира, и он найдет, что их можно разделить на два больших класса: на тех, которых мы называем живыми, и на тех, бесконечно более живых, которых мы так безрассудно и ошибочно называем мертвыми. Среди первых он иногда может встретить кого-нибудь бодрствующего и вполне сознательного, быть может, посланного для того, чтобы принести ему какую-нибудь весть, или внимательно его наблюдающего, чтобы увидеть — какие успехи он делает; большинство же живых людей, находящихся вне своих физических тел на астральном плане во время сна, будут проноситься мимо, слишком погруженные в себя и потому совершенно бессознательные к тому, что происходит вокруг них.

Перед ним будут толпы недавно умерших и среди них он найдет все степени сознательности и развития и все оттенки характеров, потому что смерть, которая кажется нашему ограниченному зрению такой безусловной переменной, на самом деле ничего не изменяет в самом человеке. На другой день после своей смерти он совершенно такой же, каким был за день до нее, с теми же наклонностями, теми же свойствами, теми же добродетелями и пороками, с тою только разницей, что он отбросил прочь свое физическое тело; но потеря этого тела меняет его не больше, чем сбрасывание верхней одежды. Таким образом, среди умерших ученик найдет людей умных и глупых, добросердечных и угрюмых, серьезных и легкомысленных, духовных и чувственных, совершенно так же, как среди живых.

Так как он будет в состоянии не только видеть умерших, но и говорить с ними, то он сможет приносить им большую пользу и давать им сведения и указания, крайне для них важные. Многие из них находятся в состоянии полного изумления и растерянности, а иногда и острой тоски, потому что они находят явления нового мира до такой степени непохожими на все детские легенды, на все то, что популярная религия на Западе сообщает относительно этого трансцендентально-важного вопроса; и поэтому настоящим другом в нужде явится человек, понимающий этот новый мир и могущий дать разные объяснения.

Человек, в совершенстве владеющий этими способностями, может быть полезен и живым и умершим еще многими другими способами; но об этой стороне вопроса я уже писал в моей маленькой книжке "Невидимые помощники".

Кроме астральных существ он увидит астральные трупы — тени и оболочки всех степеней разрушения; но об этом мы здесь только напоминаем, так как читатель желающий познакомиться с этим подробнее, может обратиться к нашему третьему и пятому сборнику.

Другой поразительный результат полного астрального ясновидения состоит в том, что теперь у человека нет уже более перерывов сознания. Ложась ночью, он предоставляет свое физическое тело отдыху, в котором оно нуждается, а сам отправляется странствовать в гораздо более удобном астральном проводнике. Утром он возвращается к своему физическому телу и снова входит в него,

---

^{*} См. также книгу Ч. Ледбитера и А. Безант "Мыслеформы" — ред.

^{**} Ч. Ледбитер, "Астральный план" — ред.

но при этом нисколько не теряет ни сознания, ни воспоминания о том, что было между двумя состояниями. Таким образом, он может жить, так сказать, двойной жизнью, которая вместе с тем сливается в одну, — и быть полезным в продолжение всей жизни вместо того, чтобы треть своего существования бесполезно провести в полной бессознательности.

Возможно, что в нем проявится еще одна странная сила (впрочем полный контроль над ней принадлежит скорее еще более высокой, деваканической способности): он сможет увеличивать по желанию малейшие физические или астральные частицы до любой желаемой величины, как бы с помощью микроскопа, хотя нет такого микроскопа (и едва ли будет), который имел бы хоть тысячную долю этой психической увеличительной силы. Благодаря ей, гипотетические молекула и атом, постулированные наукой, становятся видимой и живой реальностью для оккультного ученика, и внимательно их наблюдая, он находит, что строение их гораздо сложнее, чем думали до сих пор ученые. Эта сила позволяет ему также с живейшим интересом и очень близко наблюдать различные электрические, магнетические и другие эфирные процессы. Если бы некоторые специалисты в этих отраслях науки смогли развить в себе способность видеть те вещи, о которых они с такой легкостью пишут, — можно было бы ожидать удивительных и прекрасных открытий.

Это одна из "сиддхи" или описанных в восточных книгах сил, достигающихся на долю человека, который посвящает себя духовному развитию, хотя название, под которым она там упоминается, быть может, не сразу можно узнать. О ней говорится, как о "способности сделать себя большим или маленьким по желанию"; причина этого определения, которое, по-видимому, так странно противоречит факту, заключается в том, что в сущности этот фокус делается как раз с помощью того метода, который указан в этих древних книгах. Мир бесконечно малых величин может быть видим так ясно благодаря употреблению временного зрительного механизма непостижимой тонкости; и таким же путем (или скорее путем противоположным), т. е. с помощью временного сильнейшего увеличения размера употребляемого механизма, становится возможным увеличить широту зрения — в физическом смысле, а также, будем надеяться, и в моральном — далеко за те пределы, о каких только наука когда-либо могла мечтать, как о доступных для человека. Таким образом способность изменять величину в самом деле находится в проводнике сознания ученика, а не в чем-либо, находящемся вне его. И старая восточная книга, в конце концов, устанавливает это точнее, чем мы.

Психометрия и второе — знание in excelsis — тоже окажутся среди способностей, которыми будет располагать наш друг; но о них будет удобнее говорить в другой главе, потому что почти во всех своих проявлениях они заключают в себе ясновидение или в пространстве, или во времени.

Я теперь указал, хотя лишь в очень общих чертах, на то, что тренированный ученик, обладающий полным астральным зрением, может увидеть в том бесконечно более широком мире, куда введет его это зрение. Но я ничего не сказал о той поразительной духовной перемене, которая произойдет в нем вследствие том, что он на опыте будет знать о существовании души, о ее посмертных переживаниях, о действии законов кармы и о других вещах, исполненных высокого значения. Разницу между самым глубоким умственным убеждением и точным знанием, добытым с помощью непосредственного личного опыта, нужно почувствовать для того, чтобы оценить.

Глава III **ПРОСТОЕ ЯСНОВИДЕНИЕ: ЧАСТИЧНОЕ**

Временное ясновидение. — Призраки. — Высший мир

Опыты нетренированных ясновидящих (а нужно помнить, что к этому классу принадлежат все европейские ясновидящие за очень немногими исключениями) будут, однако, далеки от тех опытов, на которые я пытался указать; они будут во многом отличаться от них, — в степени, в разнообразии, в постоянстве, а главное — в точности.

Иногда, например, у человека бывает ясновидение постоянное, но очень неполное, которое простирается только, может быть, на один или два разряда наблюдаемых явлений; в нем проявится какой-нибудь отдельный обрывок высшего зрения, но при этом он, по-видимому, не будет обладать другими силами зрения, которые нормально должны бы сопровождать этот обрывок, или даже предшествовать ему. Например, один из моих лучших друзей всю свою жизнь обладал способностью видеть атомистический эфир и атомистическую астральную материю и распознавать их строение в темноте и при свете, так как они проникают все остальные, а между тем он очень редко видит существа, тела которых состоят из гораздо более заметной низшей эфирной или плотной астральной

материи, и во всяком случае он, конечно, неспособен видеть их постоянно. Просто в нем внезапно начинает проявляться эта специальная способность без понятной причины и без всякого видимого отношения к чему-нибудь другому. Но помимо того, что это доказывает ему существование этих атомистических планов и обнаруживает ему их строение, трудно увидеть — какую специальную пользу приносит ему это в настоящем. Тем не менее так оно есть, и это — залог большего, указание на дальнейшие способности, все еще ожидающие своего развития.

Существует много подобных случаев; я говорю "подобных" не в смысле обладания этой специальной способностью (это — единственный случай, который я знаю), но в смысле развития какой-нибудь одной стороны этого полного и отчетливого ясновидения астрального или эфирного плана. В девяти случаях из десяти, однако, подобно частичному ясновидению будет не доставать также и точности, то есть, иначе говоря, человек получит достаточное количество смутных впечатлений и выведет различные заключения по этому поводу, но у него не будет ни точных определений, ни уверенности тренированного человека. Примеры такого рода мы встречаем постоянно, в особенности среди тех, которые объявляют себя "опытными профессиональными ясновидящими".

Затем есть еще такие, которые бывают ясновидящими только на время и при известных условиях. Между ними есть различные категории: один могут по желанию вызывать состояние ясновидения, возобновляя всегда одни и те же условия; у других оно проявляется внезапно, без всякого видимого отношения к окружающему; у третьих эта способность проявляется лишь один или два раза в течение всей жизни.

К первой категории принадлежат те, которые становятся ясновидящими лишь во время гипнотического транса, не находясь же в состоянии транса, неспособны ни видеть, ни слышать ничего сверхнормального. Иногда они могут достигать очень высоких знаний и давать крайне точные указания; в таких случаях это обыкновенно обозначает, что они проходят курс правильной тренировки, хотя по каким-либо причинам не научились еще освобождаться от свинцовой тяжести земной жизни без посторонней помощи.

К той же самой группе мы можем отнести тех (главным образом, жителей восточных стран), которые на время приобретают ясновидение под влиянием известных напитков или благодаря совершению известных церемоний. Совершающий церемонии иногда гипнотизирует самого себя повторением одних и тех же действий и в таком состоянии делается до некоторой степени ясновидящим; чаще же он просто приводит себя в пассивное состояние, при котором какое-нибудь другое существо может овладеть им и говорить через него; а иногда его церемонии направлены не на то, чтобы воздействовать на самого себя, но на то, чтобы вызвать какое-нибудь астральное существо, которое должно сообщить ему нужные сведения; но последнее относится уже, конечно, к области магии, а не ясновидения.

Напитки и церемонии — это методы, которых должен решительно избегать всякий, желающий приблизиться к ясновидению с высшей стороны и пользоваться им для своего собственного развития и для помощи другим. Знахари-колдуны центральной Африки и некоторые шаманы — хорошие образчики этого типа.

Те, у которых известные способности ясновидения обнаруживаются лишь случайно и совершенно помимо их желания, часто бывают людьми истеричными или чрезвычайно нервными, и способность эта является у них одним из симптомов болезни. Появление этой способности указывает на то, что физический проводник чрезвычайно ослабел, и, таким образом, не представляет уже препятствий для маленьких проблесков эфирного или астрального зрения. Примером людей этой категории может служить человек, который напивается до *dilium tremens* и в состоянии полного физического разрушения и нечистого психического возбуждения, вызванного губительным действием этой жестокой болезни, начинает видеть некоторых отвратительных элементаров и другие существа, которыми он окружил себя за долгое время удовлетворения своей униженной и животной слабости.

Правда, существуют и другие случаи, когда способность ясновидения проявляется и исчезает без видимого отношения к состоянию физического здоровья, но, по всей вероятности, если бы таких людей можно было бы достаточно внимательно исследовать, обнаружили бы некоторые изменения в состоянии их эфирного двойника.

Тех, у которых за всю жизнь был лишь один случай ясновидения, очень трудно отнести к какому-нибудь отдельному классу, так как сопутствующие обстоятельства бывают очень разнообразны. Есть среди них много таких, у которых этот опыт является в такой важный момент жизни, что временное возбуждение способности становится понятным. У других единственным

случае ясновидения бывает появление призрака чаще всего какого-нибудь друга или родственника, находящегося на краю смерти. Тут могут быть две возможности и в обеих — сильное желание умирающего человека являться побудительной силой: либо эта сила могла позволить умирающему материализоваться на минуту; в этом случае, конечно, ясновидения не требуется; либо же, что более вероятно, она могла подействовать как внушение на воспринимающего субъекта и на мгновение притупить его физическую чувствительность, возбудив его высшую сенситивность. Так или иначе, призрак является здесь случайно, и явление не повторяется просто потому, что необходимые для этого условия не повторяются также.

Все же остается еще много неразрешимых единичных случаев, носящих несомненно характер ясновидения, хотя вызвавший их повод представляется нам слишком обыкновенным и незначительным. Относительно этих случаев мы можем только строить предположения; здесь руководящие условия, очевидно, находятся не на физическом плане, и отдельное исследование каждого случая необходимо для того, чтобы можно было говорить о его причинах хотя бы с некоторой уверенностью. В некоторых таких случаях кажется, что астральное существо старается сообщить что-то, но может запечатлеть в том, к кому обращается, только какую-нибудь незначительную подробность; вся же полезная и значительная часть того, что оно хотело сказать, не смогла проникнуть в его сознание.

При исследовании явлений ясновидения встретятся все эти различные типы и много других, и почти наверное среди них окажется и несколько случаев простой галлюцинации, которые нужно тщательно изъять из списка примеров. Изучающему этот предмет нужно иметь неисчерпаемый запас терпения и упорной настойчивости, но после того, как он будет достаточно долго подвигаться вперед, он начнет наконец смутно различать порядок позади этого хаоса, и постепенно у него явится некоторое понимание великих законов, по которым движется вся эволюция.

Ему будет легче, если он примет тот порядок, которому мы следовали, то есть, если он прежде всего возьмет на себя труд ознакомиться возможно основательнее с действительными фактами, относящимися к тем планам, с которыми имеет дело ясновидение. Если он будет знать, что можно увидеть с помощью астрального или эфирного зрения, и каковы ограничения каждого из них, тогда у него будет, так сказать, мера, к которой он может применить наблюдаемые им случаи. Все примеры частичного ясновидения должны непременно иметь каждый свое место, и если в голове ученика будет очерк всей схемы, ему кажется сравнительно легко, при небольшой практике, классифицировать явления, с которыми ему приходится иметь дело.

Мы до сих пор еще ничего не говорили о свойствах ясновидения деваканического плана, которые еще удивительнее; но нет и необходимости много говорить об этом, потому что в высшей степени невероятно, чтобы исследователь встретил случаи подобного ясновидения у кого-нибудь иного, кроме учеников, тренирующихся соответствующим образом в какой-либо из высших школ оккультизма. Оно открывает перед ними еще новый мир, гораздо более обширный, чем те, которые лежат ниже, мир, в котором самый яркий свет и высшая красота, какие мы только можем представить, обычные явления.

Некоторые сведения о чудесных свойствах этого мира, о его невыразимом блаженстве, о тех великих возможностях знания и работы, которые он дает, — приведены в 6-м теософическом сборнике* и к нему мы отсылаем изучающих вопрос.

Все, что этот мир может дать, или по крайней мере все, что из него может быть воспринято, находится в пределах достижения тренированного ученика; но нетренированный ясновидящий едва лишь может случайно прикоснуться к нему. Это бывает иногда в гипнотическом трансе, но случаи эти крайне редки, потому что такое прикосновение к высшим мирам требует почти сверхчеловеческой высоты духовных стремлений и абсолютной чистоты мыслей и намерений гипнотизера и гипнотизируемого.

К этому типу ясновидения и еще более к тому, которое принадлежит более высокому плану, следующем, непосредственно за деваканическим, можно по справедливости применить название духовного зрения; и так как небесный мир, на который он открывает наши глаза, лежит вокруг нас, то можно мимоходом указать на него, говоря о простом ясновидении, хотя, быть может, необходимо будет упомянуть о нем снова, когда мы будем иметь дело с ясновидением в пространстве, к которому мы теперь и перейдем.

Глава IV

---

* Ч. Ледбитер, "Ментальный план"

ЯСНОВИДЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ: НАМЕРЕННОЕ

Зрение на расстоянии. — Астральный телеграф. — Психический телескоп.

Мыслеобразы. — Астральное странствование.

Филадельфийский ясновидящий. — Другие примеры. — Мери Гофф.

Майавируна. — Струна человека. Другие планеты.

Мы определили ясновидение в пространстве, как способность видеть события или картины, настолько отдаленные от ясновидящего в пространстве, что он не может наблюдать их обычным образом. Примеры этого ясновидения так многочисленны и так разнообразны, что желательна была бы несколько более точная классификация их. Не так важно — какую именно группировку мы примем, лишь бы только она была достаточно широка и смогла бы охватить все представляющиеся нам случаи.

Быть может, удобнее всего будет сгруппировать их в обширные отделы намеренного и ненамеренного ясновидения в пространстве с переходной группой между ними, которую можно назвать полунамеренной, — название несколько странное, но я объясню его позднее.

Я начну с определения того, что возможно в этом направлении для вполне тренированного ясновидящего и попытаюсь объяснить — как действует эта способность и каким она подвержена ограничениям. После этого нам будет легче понять многочисленные примеры частичного и нетренированного зрения. Поэтому прежде всем рассмотрим намеренное ясновидение.

Из всего уже сказанного об астральном зрении ясно, что каждый, обладающий им во всей полноте, может с помощью его видеть все, что только захочет видеть в этом мире. Самые потаенные места открыты его взгляду и никакие препятствия для него не существуют, благодаря тому, что исходная точка его зрения теперь переменилась; а при способности двигаться в астральном теле он без труда может отправиться куда бы то ни было и видеть все, что угодно, в пределах планеты.

Впрочем, мы сейчас увидим, что это возможно для него в широкой степени даже и без необходимости двигаться в астральном теле.

Рассмотрим несколько ближе те методы, с помощью которых можно употреблять сверхфизическое зрение для того, чтобы наблюдать события, происходящие на расстоянии. Когда, например, человек, находящийся в Англии, видит в мельчайших подробностях что-нибудь происходящее в этот самый момент в Индии или в Америке, каким образом это делается?

Для объяснения этого явления была предложена очень остроумная гипотеза.

Указывали, что каждый предмет постоянно отбрасывает во всех направлениях лучи, до некоторой степени похожие на световые лучи, хотя и бесконечно более тонкие и что ясновидение есть не что иное, как способность видеть с помощью этих более тонких лучей. Расстояние в этом случае не будет преградой для зрения и все встречающиеся на пути предметы будут проницаемы для этих лучей, которые скрещиваются до бесконечности во всех направлениях, не запутываясь, совершенно так, как вибрации обыкновенного света.

Хотя это и не вполне точный путь, по которому действует ясновидение, тем не менее эта теория совершенно правильна в большей части своих предпосылок. Каждый предмет, несомненно, отбрасывает лучи во всех направлениях и именно этим путем, хотя и на более высоком плане, складывается, по-видимому, хроника — Акаша. О ней необходимо будет говорить в следующей главе, поэтому в настоящую минуту мы только упомянем об этом. Явления психометрии тоже зависят от этих излучений, как сейчас будет объяснено.

Но существуют некоторые практические трудности в способе пользования этими эфирными вибрациями (ибо, разумеется, это именно эфирные вибрации) как средой, с помощью которой можно видеть все, что происходит на расстоянии. Находящиеся на пути предметы не вполне прозрачны и так как действующие лица сцены, которую экспериментатор пробует наблюдать, будут, вероятно, тоже не вполне прозрачны, то очевидно, что из всего этого может возникнуть очень серьезная путаница.

Новое изменение, которое выступит в том случае, если вместо эфирных вибраций будут действовать астральные, устранил некоторые трудности, но, с другой стороны, введет с собой новые осложнения. Поэтому, пытаясь понять ясновидение для практических целей, мы можем выбросить из головы эту гипотезу об излучении и прямо обратиться к тем методам зрения на расстоянии, которые действительно находятся в распоряжении ученика. Мы найдем, что их пять, причем четыре из них — методы истинного ясновидения, а пятый собственно не подходит под эту категорию, но принадлежит к области магии. Обратимся сначала к этому последнему, чтобы покончить с ним.

1. Помощь духа природы. Чтобы пользоваться этим методом, нет необходимости обладать какой-нибудь психической способностью, экспериментатор должен только уметь заставить какого-нибудь обитателя астрального мира разузнать то, что ему нужно. Это может быть сделано с помощью воззвания или вызывания, то есть, человек, производящий опыт, либо молитвами и приношениями убеждает своего астрального помощника оказать ему желаемую помощь, либо же определенными усилиями сильно развитой воли принуждает его оказать эту помощь.

Этим методом широко пользовались на Востоке (где вызывается обыкновенно дух природы) и в старинной Атлантиде, где "темнолицые повелители" пользовались с этой целью некоторыми специализировавшимися и особо злостными искусственными элементами. Подобным же путем иногда получают сведения на современных спиритических сеансах; но в этих случаях вестник, которым пользуются, это чаще всего, — недавно умершее человеческое существо, более или менее свободно действующее на астральном плане; а иногда даже и здесь — это бывает услужливый дух природы, который забавляется, выдавая себя за чьего-нибудь умершего родственника. Во всяком случае, как я сказал уже, этот метод принадлежит к области магии, а вовсе не ясновидения; и о нем здесь упомянуто только для того, чтобы читатель не спутался, пытаясь подвести случаи, относящиеся сюда, под одним из следующих заголовков.

2. Астральный ток. Это выражение часто и несколько вольно употребляется в нашей теософической литературе, охватывая порядочное количество разнообразных явлений и среди других также и то, которое я хочу объяснить. На самом деле ученик, пользующийся этим методом, не столько приводит в движение ток в астральной материи, сколько сооружает в ней нечто вроде временного телефона. Я не могу дать здесь подробное исследование из области астральной физики, если бы даже у меня и были необходимые для этого знания. Я скажу лишь, что возможно провести в астральной материи соединительную линию, которая будет действовать, как телеграфная проволока, чтобы передавать вибрации, с помощью которых все, что происходит на другом конце этой линии, может быть видно. Нужно понимать, что такая линия устанавливается не с помощью прямой проекции астральной материи в пространство, но таким воздействием по линии (или скорее по многим линиям) частиц этой материи, которое сделает их способными образовать проводник для вибраций требуемого характера.

За это предварительное дело можно приняться двумя способами: или передавать энергию от частицы к частице, пока не образуется линия, или же воспользоваться силой высшего плана, которая может действовать по всей линии одновременно.

Конечно этот последний метод подразумевает гораздо большее развитие, так как для него нужно знакомство с силами гораздо более высокого порядка и умение ими пользоваться; и человек, который бы мог образовать таким образом для себя свою линию, собственно не нуждается ни в какой линии, так как высшая способность дает ему возможность видеть с большей легкостью и полнотой. Трудно описать даже самое простое астральное действие, хотя очень легко его выполнить. Можно сказать, что по характеру это немного похоже на намагничивание стальной полосы, так как состоит как бы в поляризации с помощью усилия человеческой воли несколько параллельных линий астральных атомов, идущих от оператора к сцене, которую он хочет наблюдать. Все атомы, затронутые таким образом, держатся на время строго параллельно друг другу своими осями и образуют нечто вроде временной трубки, в которую ясновидящий может смотреть. Этот метод имеет тот недостаток, что телеграфная линия подвержена расстройству и даже уничтожению со стороны всякого достаточно сильного астрального тока, который случайно пересекает ей путь; но если первоначальное усилие воли было вполне определенным, подобная случайность будет сравнительно редкой.

Отдаленные сцены, которые мы наблюдаем посредством "астрального тока", по внешности похожи несколько на то, что мы видим в телескопе: человеческие фигуры обыкновенно кажутся очень маленькими, как фигуры на очень далеких подмостках, но несмотря на их уменьшенный размер, они видны так отчетливо, как будто находятся рядом. Иногда этим способом можно не только видеть, что делается, но и слышать то, что говорится; впрочем, в большинстве случаев этого не бывает, поэтому мы должны смотреть на это скорее как на проявление новой способности, чем как на неизбежное следствие способности зренья.

Нужно заметить, что в этом случае ясновидящий обыкновенно вовсе не покидает своего физического тела; он не отбрасывает свой астральный проводник или какую-либо субстанцию в том направлении, куда смотрит, но просто направляет на себя астральный телескоп. Следовательно, он до некоторой степени владеет своими физическими телами даже в то время, когда рассматривает отдаленную сцену;

например, он обыкновенно может распоряжаться своим голосом и рассказывать о том, что видит, даже в то самое время, когда делает свои наблюдения. Сознание этого человека фактически все еще находится по эту сторону линии.

Но этот факт при всех своих преимуществах имеет и свои ограничения, опять-таки сильно напоминающие ограничения человека, пользующегося телескопом, на физическом плане. Экспериментатор, например, не может переменить точку наблюдения; его телескоп, так сказать, имеет особое поле зрения, которое не может быть ни увеличено, ни переменено, он смотрит на свою сцену от известного направления и не может внезапно повернуться и посмотреть, какой она будет иметь вид с другой стороны. Если в его распоряжении есть еще достаточное количество энергии, то он может совсем опустить телескоп, которым пользуется, и соорудить совершенно новый, с помощью которого приблизится к предмету своего наблюдения с другой стороны; но мало вероятно, что такая система применялась на практике.

Но нам могут сказать, что самый факт пользования астральным зрением должен дать ему возможность видеть сцену сразу со всех сторон. Так оно и было бы, если бы он пользовался этим зрением нормально, относительно предмета, находящегося достаточно близко от него, так сказать, в пределах его астрального достижения; но на расстоянии сотен или тысячи миль дело меняется. Астральное зрение дает нам преимущество нового измерения, но мы должны еще считаться с положением в этом измерении и, естественно, это сильный фактор, ограничивающий пользование силами своего плана. Наше обычное трехмерное зрение дает нам возможность видеть одновременно каждую точку внутри двумерной фигуры, как например, квадрата, но с условием, чтобы квадрат находился не на слишком далеком расстоянии от нашего глаза; одно добавочное измерение само по себе очень мало поможет человеку, находящемуся в Лондоне, в его попытке рассмотреть квадрат, находящийся в Калькутте.

Астральное зрение, когда оно связано направлением по созданной трубке, очень ограничено, так же, как и физическое зрение было бы ограничено при подобных же обстоятельствах. Но тому, кто обладает им вполне, оно все же продолжает показывать даже на расстоянии ауру, а, следовательно, и чувства и большую часть мыслей наблюдаемых людей.

Есть много людей, для которых такого рода ясновидение очень облегчается, если у них есть под рукой какой-нибудь физический предмет, которым можно воспользоваться, как исходной точкой для астральной трубки и удобным фокусом сосредоточения силы воли. Хрустальный шар самый обычный и действительный фокус такого рода, так как у него есть еще и то преимущество, что он сам по себе обладает свойствами, возбуждающими психические способности. Но употребляются также и другие предметы, о которых нам придется упомянуть подробнее, когда мы будем рассматривать полунамеренное ясновидение.

По поводу этой формы ясновидения (с помощью астрального тока), а также других, мы должны заметить, что есть такие психики, которые могут пользоваться этим методом только под влиянием внушения. Здесь перед нами та особенность, что среди таких психиков есть две разновидности: или человек, освобожденный таким образом, оказывается в состоянии сам себе сделать телескоп, или же магнетизер сам делает телескоп, а субъект просто получает возможность видеть в него. В этом последнем случае, очевидно, у субъекта нет достаточной силы воли, чтобы самому образовать трубку, а оператор хотя и обладает необходимой силой воли, — не ясновидящий, иначе он сам бы мог смотреть в свою трубку, не нуждаясь в помощи.

Иногда, хотя и редко, образовавшаяся трубка обладает еще одним свойством телескопа — свойством увеличивать предметы, на которые она направлена, до тех пор, пока не начинает казаться, что они — натуральной величины. Конечно, предметы всегда должны быть увеличены до некоторой степени, или их абсолютно нельзя будет рассмотреть, но обыкновенно их величина ограничена размерами астральной трубки, и все вместе представляет собой просто-напросто маленькую живую картинку.

В тех же редких случаях, когда этим способом человек видит фигуры в натуральную величину, проявляется, вероятно, совершенно новая сила; но нужны тщательные наблюдения для того, чтобы отличить эти случаи от примеров следующей группы.

3. Проекция мыслеобраза. Этот метод ясновидения требует несколько более подвинутого развития, чем предыдущий, так как для него необходимы некоторые силы ментального плана. Все изучающие Теософию знают, что мысль имеет форму, во всяком случае на своем собственном плане, а в огромном большинстве случаев также и на астральном плане; но, быть может, не так общеизвестно, что если человек будет энергично думать о себе, как о находящемся в любом данном

месте, то образ, принятый этой специальной мыслью, будет подобием самого думающего, который и появится в упомянутом месте.

По существу этот мыслеобраз должен состоять из материи ментального плана, но очень часто он окружает себя также материей астрального плана и, благодаря этому, гораздо ближе подходит к возможности быть видимым. В самом деле, есть много примеров, когда лицо, о котором думали, видело такой мыслеобраз, вероятнее всего благодаря бессознательному гипнотическому влиянию, исходящему от того, кто думал. Но сознание думающего не заключено в этом мыслеобразе. Посланный от него, он обыкновенно будет совершенно отдельной величиной, нельзя сказать, чтобы совершенно не связанной со своим творцом, но фактически отделенной от него, поскольку дело касается возможности получить через него впечатление.

Этот третий тип ясновидения состоит, стало быть, в способности настолько сохранять связь с ново-созданным мыслеобразом и власть над ним, чтобы можно было получить впечатление с его помощью. Впечатления, произведенные на мыслеобраз, будут передаваться думающему не по астральной телеграфной линии, как раньше, но с помощью симпатических вибраций. В идеальном случае ясновидения такого рода выходят почти так, как будто ясновидящий высылает часть своего сознания в мыслеобраз и пользуется им, как чем-то вроде аванпоста, с которого возможны наблюдения. Он видит почти так же хорошо, как бы он мог видеть, если бы сам стоял на месте своего мыслеобраза.

Фигуры, на которые он смотрит, явятся ему в натуральную величину и совсем близко, вместо того, чтобы быть маленькими и находиться на расстоянии, как в предыдущем случае; и он сможет изменять точку своего наблюдения, если пожелает это делать. Яснослышание ассоциируется с этим типом ясновидения менее часто, но его до некоторой степени заменяет ментальное восприятие мыслей и намерений наблюдаемых существ.

Так как сознание человека все еще находится в его физическом теле, то он будет в состоянии (даже во время пользования своей способностью) слушать и говорить, поскольку это не рассеивает его внимания. Как только интенсивность его мысли ослабевает, все видение исчезает и для того, чтобы оно возобновилось, приходится строить новый мыслеобраз. Среди нетренированных людей примеры более или менее полного обладания этим родом зрения встречаются, разумеется, реже, чем случаи предыдущего типа, благодаря тому, что здесь требуется большое ментальное развитие и, вообще, самый род действующих здесь сил гораздо тоньше.

4. Странствование в астральном теле. Перед нами совершенно новый вид ясновидения, когда сознание ясновидящего уже не остается в физическом теле его или в тесном соединении с ним, но переносится к той сцене, которую ясновидящий наблюдает. Хотя, без сомнения, для нетренированного ясновидящего этот вид представляет большие опасности, чем любой из методов, описанных выше, тем не менее это самая удовлетворительная из доступных ему форм ясновидения, потому что та бесконечно более высокая форма, которую мы будем рассматривать ниже, доступна лишь для специально тренированных учеников.

В этом случае тело человека погружено или в сон или в транс и органы его, следовательно, неспособны действовать в то время, как совершается видение, так что всякое описание виденного и все вопросы относительно дальнейших подробностей должны быть отложены до тех пор, пока странник не вернется на этот план. С другой стороны, зрение при этом гораздо полнее и совершеннее; человек одинаково хорошо слышит и видит же, что происходит перед ним, и может свободно двигаться, по желанию, в очень широких пределах астрального плана. Он может видеть и на досуге изучать всех других обитателей этого плана и ему открывается обширный мир духов природы (традиционный волшебный мир представляет собой лишь очень небольшую часть его) и даже некоторых низших дэв.

Он обладает также тем огромным преимуществом, что может как бы принимать участие в сценах, происходящих перед его глазами, — беседовать по желанию с теми разнообразными астральными существами, от которых можно получить так много любопытных и интересных сведений. Если вдобавок ко всему он научится материализоваться (и это ему будет не трудно, если он уже знает, как за это взяться), то он сможет принимать участие в физических событиях и разговорах на расстоянии и показываться, если захочет, отсутствующим друзьям. Кроме того он может искать и находить то, что ему нужно.

С помощью методов ясновидения, описанных выше, он для всех своих практических целей только в том случае может найти какое-нибудь лицо или место, если уже ранее был знаком с ним или входил в общение с ним благодаря прикосновению к чему-нибудь физически связанному с ним, как в

психометрии. Правда, при третьем методе известное движение тоже возможно, но процесс этот не утомителен только для очень коротких расстояний.

Между тем, пользуясь астральным телом, человек может двигаться совершенно свободно и быстро во всех направлениях и способен (например) находить без затруднений любое место, указанное на карте, без всякого предварительного знакомства с этим местом и без всякого предмета для установления связи с ним. Он также легко может высоко подниматься в воздухе, чтобы видеть с птичьего полета страну, которую наблюдает, обозревая ее пространства, контуры ее береговых линий или ее общий характер. Положительно, этот метод дает ему во всех отношениях больше власти и свободы, чем все предыдущие.

Хороший пример полного обладания этой силой дает со слов немецкого писателя Юнга Штиллинга г-жа Кроу в своей книге "The Night Side of Nature". Речь идет об одном ясновидящем, который жил в окрестностях Филадельфии, в Америке.

"Он жил очень уединенно и говорил мало; он был серьезен, благожелателен и благочестив, и ничего нельзя было сказать против него, кроме того, что о нем ходил слух, будто он обладает некоторыми тайнами, которые считались не вполне законными. Много необыкновенных историй рассказывали о нем и, между прочим, следующую: "Жене капитана корабля (муж ее отправился в Европу и в Африку, и она уже давно не получала от него известий), подавленной беспокойством о муже, посоветовали обратиться к этому человеку. Выслушав ее историю, он извинился, сказав, что покинет ее на минуту, а затем сообщит ей требуемые сведения. Потом он прошел во внутреннюю комнату, а она села и стала ждать; но так как его отсутствие продолжалось дольше, чем она ожидала, то ее взяло нетерпение, и она подумала, что он позабыл о ней; тихонько приблизившись к двери, она посмотрела в щель и к своему удивлению увидела, что он лежит на диване неподвижный, как будто бы мертвый. Она, конечно, не нашла уместным беспокоить его, но дождалась его возвращения. Вернувшись, он сказал ей, что ее муж не мог написать ей по таким-то и таким-то причинам, но что он в настоящее время находится в Лондонской кофейной и очень скоро возвратится домой.

Так и случилось: капитан скоро вернулся, и когда жена его узнала, что причины его необычного молчания были как раз те самые, которые приводил тот человек, ей ужасно захотелось удостовериться в правильности сказанного. Ее желание исполнилось, потому что муж ее, встретившись с магом, сказал, что видел его уже однажды в Лондоне, в кофейной и что он сказал ему о том, как страшно беспокоится о нем жена; на это капитан упомянул о причинах, помешавших ему писать, и прибавил, что находится накануне отплытия в Америку. Он потерял из виду незнакомца в толпе и больше уже ничего не мог узнать о нем".

Конечно, у нас нет возможности узнать, какие были у Юнга Штиллинга доказательства правдивости этой истории, хотя он говорит, что совершенно удовлетворен теми свидетельствами, на основании которых ее рассказывает. Но подобных случаев бывает так много, что нет причин сомневаться в точности именно этого.

Этот ясновидящий, вероятно, или сам в себе развил свою способность или научился в какой-нибудь школе, но не в одной из тех, откуда идет большинство наших теософических сведений, так как в наших школах есть Вполне понятное постановление, специально воспрещающее ученикам давать проявления такой силы, которая может быть ясно обнаружена таким путем, чтобы образовать то, что называется "явлением".

Разумность такого постановления была доказана всем, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей нашего Общества, теми печальными результатами, которые последовали за очень легким и временным ослаблением этого постановления.

В моей маленькой книжке "Невидимые Помощники" я привел несколько современных случаев, почти вполне соответствующих вышеприведенному. О даме, хорошо известной и мне самому, которая часто таким образом является своим друзьям на расстоянии, говорит и Стэд в своей книге "Real ghost stories"; Эндрю Ланг в "Dreams and ghosts" рассказывает о том, как некий м-р Клив, находившийся в Портсмуте, намеренно явился дважды одной молодой лэди в Лондоне, чем сильно ее встревожил.

Всякий, кто хочет серьезно изучить этот вопрос, найдет сколько угодно подобных примеров.

Подобные намеренные астральные посещения часто бывают доступны людям, ослабленным приближением смерти, но в другое время на это неспособным. Таких примеров существует еще больше. Я приведу извлечения из одного хорошего примера, который дает Эндрю Ланг в своей упомянутой уже книге, и о котором он сам говорит, что "немногие истории имеют такие хорошие доказательства в свою пользу".

"Мария Гофф, жена Джона Гоффа из Рочестера, страдая продолжительной болезнью, переехала в дом своего отца в Вест-Маллинге, находившийся милях в девяти от ее собственного дома.

За день до смерти ей нетерпеливо захотелось увидеть своих двух детей, которых она оставила дома на попечении няни. Но она была слишком больна, чтобы двигаться, и между часом и двумя она впала в транс. Вдова Тэрнэр, ухаживавшая за нею в ту ночь, рассказывает, что глаза ее были открыты и на что-то устремлены, а челюсть отвисла. Тэрнэр приложила ей руку ко рту, но не ощутила никакого дыхания. Она не знала, что с ней — жива ли она или умерла...

На следующее утро умирающая женщина сообщила своей матери, что она была дома со своими детьми, говоря: "Сегодня ночью, во сне я была с ними".

Няня в Рочестере, вдова по фамилии Александер, утверждает, что незадолго до двух часов ночи она увидела полное подобие упомянутой Марии Гофф; она вышла из соседней комнаты (где старший ребенок один лежал в кроватке), оставив дверь открытой и постояла у ее кровати около четверти часа; младший ребенок лежал тогда около няни. Глаза Марии Гофф двигались и рот шевелился, но она ничего не говорила. При этом няня говорит, что она совсем не спала и было уже светло, так как это был один из длинейших дней в году. Она села на кровати и стала решительно смотреть на призрак. В это время она услышала, что часы на мосту пробили два, и сказала: "Во имя Отца и Сына и Святого духа — кто ты?" Тогда призрак отодвинулся и вышел. Няня накинула одежду и последовала за ним, но куда он делся — не знает".

По-видимому, няня была больше напугана исчезновением призрака, чем его присутствием, потому что после этого боялась остаться в доме и провела остаток ночи, до шести часов, прохаживаясь взад и вперед около дома. Когда соседи проснулись, она рассказала им свою историю, но, разумеется, они сказали ей, что все это ей пригрезилось. Естественно, что она довольно горячо оспаривала эту мысль, но не могла добиться доверия к себе, пока не пришла из Вест-Маллинга весть о другой части этой истории. Тогда людям пришлось допустить, что в этом деле кое-что было.

В этой истории следует отметить одно обстоятельство, а именно то, что мать нашла нужным перейти из обычного сна в более глубокие условия транса, чтобы сознательно навестить своих детей. Подобное обстоятельство можно найти во многих рассказах, которыми изобилует литература по этому предмету.

Две другие истории совершенно такого же типа, в которых умирающая мать, сильно желающая видеть своих детей, впадает в глубокий сон, посещает их и возвращается, чтобы сообщить о том, что она сделала, приводит д-р Ф. Г. Ли. В одной из них мать, умирающая в Египте, является своим детям в Торквей, и ее ясно видят среди белого дня все пятеро детей и также их няня. ("Glimpses of the Supernatural"). В другой одна дама, квакерша, умирающая в Кокермаузе, явилась при дневном свете своим трем детям в Сеттле и была ими узнана, причем окончание этой истории идентично вышеприведенному ("Glimpses in the Twilight"). Хотя эти случаи менее популярны, чем случай с Мэри Гофф, но доказательства их достоверности столь же солидарны, как видно из свидетельств, полученных почтенным автором трудов, из которых они взяты.

У человека, вполне владеющего этим четвертым типом ясновидения, имеется в распоряжении много преимуществ помимо тех, о которых уже упоминалось. Он не только может посещать без всяких хлопот и расходов все прекрасные и замечательные места на земле, но если, например, он занимается науками, подумайте — как для него важно, что он имеет доступ во все библиотеки мира! Что это может значить для человека с научным складом ума, когда он видит, как перед его глазами совершаются процессы тайной химии природы, — для философа, когда перед ним неизмеримо яснее, чем раньше, раскрываются тайны жизни и смерти? Для него те, которые ушли с этого плана, больше уже не мертвые, но живые и доступные надолго. Для него многие религиозные построения уже дело не веры, а знания. А главное, он может присоединяться к армии невидимых помощников и действительно в широких размерах приносить пользу. Несомненно, ясновидение, даже ограниченное астральным планом, огромный дар для ученика.

Конечно, он тоже имеет свои опасности, особенно для нетренированных; опасность со стороны всевозможных злых существ, которые могут угрожать или вредить всем, потерявшим мужество и не смеющим взглянуть им прямо в лицо; опасность разочарований всякого рода, неправильного понимания и ложного истолкования виденного; а главное, опасность стать самоуверенным в этом отношении и думать, что не можешь ошибиться. Но кое-какой здравый смысл и небольшой опыт легко предохраняют человека от этого.

5. Странствование в майавируна. Это просто более высокая и, так сказать, более величаяя форма последнего типа. Проводником, которым теперь пользуются, уже не является больше

астральное тело; оно заменяется организованной для этого случая материей духовного тела ясновидящего; следовательно, новый проводник принадлежит к ментальному плану и в нем заложены все возможности чудесного деваканического чувства, трансцендентального и неопишуемого. Человек, действующий в этом проводнике, покидает свое астральное тело вместе с физическим: если же он хочет по какой-либо причине показаться на астральном плане, он не посылает за своим астральным проводником, но единым действием своей воли материализует такой проводник для своей временной надобности.

Обладание этой силой дает громадные преимущества; способность постигать все величие и всю красоту высшей страны блаженства и пользоваться, даже действуя на астральном плане, гораздо более широким деваканическим чувством, которое открывает перед учеником чудесные перспективы знания и делает невозможной никакую ошибку. Но этот высший подъем возможен только для человека тренированного, потому что вначале для того, чтобы образовать майавирупа, необходима помощь обладающего соответствующей силой Учителя.

Прежде, чем покончить с вопросом о полном и намеренном ясновидении, следовало бы сказать несколько слов в ответ на один-два вопроса относительно его ограничений, которые всегда возникают перед учениками. Нас часто спрашивают — возможно ли, чтобы ясновидящий нашел любое лицо, с которым он хочет общаться, где бы оно ни находилось, живо оно или умерло?

Ответ на это может быть условно утвердительный. Да, возможно найти любое лицо, если экспериментатор может поставить себя "en rapport" с этим лицом.

Неопределенно погрузиться в пространство, чтобы найти совершенно незнакомого человека среди миллионов, окружающих нас, без всякой указующей нити — попытка безнадежная; но, с другой стороны, очень незначительного указания обыкновенно бывает совершенно достаточно. Если ясновидящий знает хоть что-нибудь о человеке, которого он ищет, ему не будет трудно отыскать его, потому что у каждого человека есть то, что может быть названо его собственной музыкальной струной, которая служит выражением его, как целого; она предоставляет собой, быть может, нечто вроде среднего скоростей вибраций всех его различных проводников на их соответствующих планах. Если экспериментатор знает, как различить эту струну и ударить по ней, она вследствие симпатических вибраций сейчас же привлечет внимание человека, где бы он ни был, и даст немедленный ответ.

Жив ли человек, или недавно умер, это не составляет никакой разницы, и ясновидение пятого типа может сразу найти его даже среди бесчисленных миллионов обитателей девакана, хотя в этом случае сам человек не будет сознавать того, что он находился под наблюдением. Естественно, что ясновидящий, сознательность которого лежит не выше астрального плана, и который поэтому пользуется одним из предыдущих методов ясновидения, — совсем не будет в состоянии найти человека на деваканическом плане; но даже и он в конце концов сможет сказать, что искомый человек находится на том плане, вследствие того простого факта, что удар по струне на астральной плоскости не вызывает никакого ответа.

Если искомый человек совершенно неизвестен ищущему, то последнему будет нужно что-нибудь связанное с ним и могущее послужить указанием фотография, письмо, им написанное, вещь, принадлежащая ему и пропитанная его личным магнетизмом; любой из этих предметов сделает свое дело в руках опытного ясновидца.

Я опять-таки повторяю: из всего этого не следует заключать, что ученики, которым было преподано это искусство, могут произвольно устанавливать нечто вроде справочного бюро, с помощью которого можно общаться с отсутствующими или умершими близкими. Весть, посланная с этой стороны такому лицу, может или быть ему передана, или не быть, смотря по обстоятельствам, но если даже она и была передана, никакой ответ не может быть доставлен так, чтобы передача не имела характера "явления", т. е. чего-то, что может быть обнаружено на физическом плане, как магический акт.

Часто поднимается еще другой вопрос — существуют ли для психического зрения какие-нибудь пространственные ограничения? По-видимому, ответ должен быть такой, что границ нет, кроме границ соответствующих планов. Нужно помнить, что астральный и деваканический планы нашей земли так же точно принадлежат ей, как и ее атмосфера, хотя они простираются на значительно более далекое расстояние от нее, даже в нашем трехмерном пространстве, чем физический воздух. Следовательно, переход на другие планеты или подробное наблюдение их не будут возможны ни для какой системы ясновидения, связанной с этими планами. Вполне возможно и легко для человека, который может поднять свою сознательность до буддхического плана, перейти

на любой планетный круг, принадлежащий к нашей мировой цепи, но это не относится к нашей настоящей теме.

И все же довольно много новых сведений о других планетах может быть получено с помощью вышеописанных методов ясновидения. Возможно сделать свое зрение неизмеримо яснее, если выйти за пределы постоянных волнений земной атмосферы, а также не трудно научиться развивать крайне высокую силу увеличения, так чтобы даже с помощью обычного ясновидения можно было получить много интересных астрономических знаний. Но насколько дело касается земли и того, что ее непосредственно окружает ограничений нет.

Глава V

ЯСНОВИДЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ: ПОЛУНАМЕРЕННОЕ

Гляđenje в кристалл. — Самогипноз.

Под этим несколько странным названием я соединяю все те случаи, когда люди делают определенные попытки увидеть что-нибудь, но не имеют никакого представления о том, что это такое будет, а также не могут распоряжаться своим зрением, когда видения начались; это какие-то психические Микоберы, которые ставят себя в такие условия, в каких возможно восприятие, и затем просто ждут — что произойдет.

Многие транс-медиумы подойдут под это название; они или сами себя гипнотизируют как-нибудь, или же их гипнотизирует какой-нибудь "дух-руководитель", — и тогда они начинают описывать сцены и людей, которые случайно мелькают перед ними.

Иногда же при таких условиях они видят то, что происходит на расстоянии и, таким образом, получают место среди наших "ясновидящих в пространстве".

Но самый многочисленный и наиболее распространенный класс этих полунамеренных ясновидящих, это различные кристаллосозерцатели, те, которые, как определяет Эндрью Ланг, "пристально глядят в хрустальный шар, в чашку, в зеркало, в каплю чернил (Египет и Индия), в каплю крови (Маори в Новой Зеландии), в сосуд с водой (краснокожие индейцы), в пруд (римляне, африканцы), в воду в стеклянной чаше (Фец) или почти во всякую полированную поверхность" ("Dreams and Ghosts").

Через две страницы Ланг дает нам очень хороший пример того типа ясновидения, какой чаще всего получается таким путем.

"Я дал стеклянный шар", говорит он, "одной молодой особе, мисс Бэйли, но она почти никакого успеха с ним не имела и уступила его мисс Лесли, которая увидела широкую, четырехугольную старомодную красную софу, покрытую кисейным чехлом;

совершенно такую софу она нашла в деревенском доме, который вслед за тем ей пришлось посетить. Брат мисс Бэйли, молодой атлет, стал смеяться над этими опытами и унес шар в свой кабинет; потом он вернулся несколько взволнованный и признался, что у него было видение. Он видел кое-кого, кого знал, под лампой, но он раз узнает в течение недели — верно ли он видел или нет. Это было в воскресенье в 5 ч. 30 м. дня.

Во вторник м-р Бэйли был на балу в городе, находящемся милях в сорока от его дома, и встретил некую мисс Престон.

" — В воскресенье, — сказал он, — около половины шестого вы сидели под лампой, стоящей на подставке; на вас было платье, которого я еще ни разу не видал, голубая блуза с кружевами на плечах, и вы наливали чай господину в синем, который сидел ко мне спиной, так что я видел только кончик его усов".

" — Что вы! Вероятно шторы были не опущены", — сказала мисс Престон.

" — Я был в это время в Дэльби, — возразил мистер Бэйли, — и это несомненно было так".

Иногда это бывает какая-нибудь сценка, сравнительно близкая, как в том случае, который я только что привел; иногда — какой-нибудь дальний восточный пейзаж;

иногда — отражение какого-нибудь отрывка из Акаша-хроники, и тогда фигуры на этих картинах одеты в античные одежды, и весь феномен нужно отнести к нашей третьей большой категории, "к ясновидению во времени". Картины будущего тоже иногда можно видеть в кристалле, но об этом подробнее мы поговорим позднее.

Я видел ясновидящего, употреблявшего вместо обычной блестящей поверхности — тусклую черную, которая у него получалась с помощью щепотки истолченного угля, брошенной в чайное блюдечко. И в самом деле, повидимому, не имеет большого значения — что именно употребить,

каюк фокус: нужно только сказать, что чистый хрусталь имеет несомненное преимущество перед другим веществом, потому что, благодаря особому расположению в нем элементарной сущности, он действует специально возбуждающим образом на психические способности. Но очень возможно, что в тех случаях, когда употребляешься маленький сверкающий предмет (как, например, светящаяся точка или капля крови, как у Маори), мы в сущности имеем дело просто с явлением самогипноза. У неевропейских народов этот опыт часто предшествуется или сопровождается магическими церемониями и воззваниями, и очень возможно, что полученное таким путем зрение бывает иногда зрением какого-нибудь иного существа, и весь феномен на самом деле являемся случаем временной одержимости, а вовсе не ясновидения.

Глава VI

ЯСНОВИДЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ: НЕНАМЕРЕННОЕ

Капитан Ионит. — Герцог Орлеанский. — Осада Мульта. Маленький опыт Стэда.

Под этим названием мы можем сгруппировать вместе все те случаи, когда какое-нибудь событие, происходящее на расстоянии, делается видимым совершенно неожиданно и без всяких предупреждений. Есть люди, подверженные таким видениям, и есть много других людей, с которыми подобная вещь может случиться лишь один раз в жизни. Видения бывают всех родов и всех степеней полноты и могут быть вызваны разнообразными причинами. Иногда смысл видения очевиден, и дело идет о чем-нибудь очень важном; иногда же нельзя найти никакого смысла, и увиденные события кажутся совершенно ничтожными.

Иногда эти проблески сверхфизической способности приходят, когда человек находится в бодрственном состоянии, иногда они проявляются во время сна в виде живых и повторяющихся сновидений. Зрение, которым пользуются в этом последнем случае, принадлежит обыкновенно к нашему четвертому типу ясновидения в пространстве, потому что спящий человек часто отправляется в своем астральном проводнике к какому-нибудь месту, с которым его тесно связывают привязанности и интересы, и просто наблюдает то, что там происходит. Для первого же случая, вероятно, требуется второй тип ясновидения, с помощью астрального тока. Но в этом случае ток или трубка образуется совершенно бессознательно и часто является автоматическим результатом усиленной мысли или эмоции, отброшенной с того или другого конца — то есть, или со стороны видящего, или со стороны лица, которое он видит.

Проще всего будет привести несколько разнородных примеров с необходимыми пояснениями к ним. Стэд сделал обширный и разнообразный подбор новых и хорошо проверенных случаев в своей книге "Real Ghost Stories", и я заимствую оттуда некоторые из моих примеров, иногда слегка сокращая их, чтобы выиграть место. В некоторых примерах сразу видно всякому теософу, что исключительный случай ясновидения был специально вызван одним из тех, кого мы назвали "невидимыми помощниками", с тою целью, чтобы помощь могла быть оказана кому-нибудь, находящемуся в тяжелой нужде. К этому типу, несомненно, принадлежит история, рассказанная капитаном Ионитом из Напа Валлей в Калифорнии д-ру Бушнелю, который повторяет ее в своей книге "Nature and the Supernatural".

"Около шести или семи лет тому назад как-то ночью среди зимы ему приснился сон: он увидел какую-то толпу, по-видимому эмигрантов, задержанных снегами в горах и погибающих от холода и голода. Он заметил и место, где все это происходило; оно было отмечено спереди огромной перпендикулярной стеной белых каменистых скал; он видел, что люди срезали что-то похожее на верхушки деревьев, торчащих из глубоких снежных сугробов; он различал самые лица этих людей и взгляды их, выражавшие отчаяние.

Он проснулся под сильным впечатлением этого сна, который был необычайно ярок и реален. Потом, наконец, он снова заснул и опять увидел тот же самый сон. Утром он не мог выкинуть его из головы. Встретившись вскоре после того с одним старым товарищем — охотником, он рассказал ему свой сон и был еще более поражен, когда тот без труда узнал местность, которую он видел во сне. Этот товарищ переходил Сьерру через ущелье Карсон Валлей и объявил, что одно место в ущелье вполне соответствует его описанию.

Это заставило нашего прямодушного патриарха принять решение. Он немедленно собрал компанию мужчин с мулами, шерстяными одеялами и всей необходимой провизией. Тем временем соседи смеялись над его доверчивостью. — "Ничего не значит, — сказал он, — я могу это сделать и сделаю, потому что в самом деле верю в то, что действительно соответствует моему сну!". Люди

отправились в горы за сто пятьдесят миль прямо к ущелью Карсон Валлей. Здесь они нашли людей именно в том положении, в каком изобразил их сон, и увезли всех оставшихся в живых".

Так как не установлено, чтобы капитана Ионита часто посещали видения, то ясно, что какой-нибудь помощник, увидав отчаянное положение эмигрантов, перенес в астральном проводнике ближайшее способное воспринять впечатление, а также и в других отношениях подходящее лицо (которое как раз и оказалось капитаном) на самое место действия и достаточно его возбудил, чтобы сцена твердо отпечатлелась в его памяти. Или возможно, что помощник образовал для капитана "астральный ток"; но первое предположение вероятнее. Во всяком случае и мотив, и метод дела здесь достаточно очевидны.

Иногда "астральный ток" может быть пущен сильной эмоциональной мыслью, и это может случиться даже если думающий не имеет этого намерения в уме. В довольно замечательной истории, которую я хочу привести, мы видим, что цепь была образована постоянной мыслью доктора о м-с Броутон, однако у него, по-видимому, вовсе не было специального желания, чтобы она увидела, что он делал в то время.

Здесь действовал именно этот род ясновидения, что видно из неподвижности точки отправления ее зрения, которая, нужно заметить, не была точкой зрения доктора симпатически ей передававшаяся (как это могло бы быть), потому что она видела его спину, не узнавая его. Историю эту можно найти в "Proceedings of the Psychical Research Society".

"Миссис Броутон проснулась раз ночью в 1844 году и разбудила своего мужа, говоря ему, что во Франции что-то случилось. Муж стал уговаривать ее снова заснуть и не тревожить его. Но она уверяла его, что не спала, когда видела то, о чем хотела рассказать ему, и что она действительно видела.

Сначала какой-то случай с экипажем; она видела не самый случай, а то, что было его следствием: сломанный экипаж, собравшаяся толпа, какая-то фигура, осторожно поднятая и снесенная в ближайший дом, затем человек, лежащий на кровати, в котором она узнала герцога Орлеанского; друзья, постепенно собирающиеся вокруг кровати, среди них несколько членов французской королевской семьи, королева, потом король; все молча со слезами смотрят на очевидно умирающего герцога; тут же доктор (она видела его спину, но не знала, кто он); он стоит склонившись над герцогом, одной рукой щупая его пульс, в другой руке держа часы. Потом все исчезло, и она больше ничего не видела.

Как только рассвело, она записала в своем дневнике все, что видела. Это было тогда, когда не существовало еще электрического телеграфа, и два дня или больше прошло раньше, чем "Times" объявил о смерти герцога Орлеанского. Посетив Париж вскоре после того, она увидела и узнала место происшествия и получила объяснение своего видения: доктор, который ухаживал за умирающим герцогом, был ее старым другом, и в то время, как он сидел у кровати, ум его постоянно был занят ею и ее семьей".

Самый обычный пример — это когда сильная привязанность создает необходимый ток;

возможно, что в подобном случае постоянный поток взаимных мыслей друг о друге непрестанно обращается между обеими сторонами, и какая-нибудь внезапная надобность или ужасная крайность одной из сторон наделяет этот поток временно поляризующей силой, которая необходима для того, чтобы создать астральный телескоп. Иллюстрирующий это пример приведен в тех же "Proceedings".

"9 сентября 1848 г. при осаде Мультана генерал-майор Р., бывший тогда полковым адъютантом, был очень сильно и опасно ранен; думая, что умирает, он попросил одного из офицеров, бывших с ним, снять кольцо с его пальца и послать его жене, которая в то время находилась на расстоянии ста пятидесяти миль отсюда в Ферозепоре.

Ночью, 9 сентября 1848 г., — пишет его жена, я лежала на кровати и дремала, как вдруг я отчетливо увидела моего мужа, которого уносили с поля тяжело раненого, и услышала его голос, говоривший: — Снимите это кольцо с моего пальца и пошлите его моей жене. — Весь следующий день эта картина и этот голос не выходили у меня из головы.

В свое время я узнала, что генерал Р. был тяжело ранен при осаде Мультана.

Однако, он поправился и жив о сих пор. Лишь через некоторое время после осады я услышала от генерала Л., офицера, помогавшего унести моего мужа с поля, что просьба относительно кольца была действительно им выражена совершенно так, как я слышала ее в Ферозепоре в то же самое время".

Затем есть еще обширный класс случайных явлений ясновидения, причины которых нельзя доискаться; они по-видимому совершенно незначительны и не имеют никакого видимого отношения

к каким-либо событиям, известным ясновидящему. Таковы многие пейзажи, которые некоторые люди видят в момент засыпания. Привожу прекрасный и очень реалистический рассказ об одном опыте подобного рода из "Real Ghost Stories" В. Т. Стэда.

"Я лег в постель, но не мог заснуть. Я закрыл глаза и ждал, когда придет сон; однако, вместо сна передо мной возникла вереница удивительно живых картин ясновидения.

В комнате не было огня и было совершенно темно; мои глаза тоже были закрыты. Но несмотря на темноту, я вдруг заметил, что созерцаю необыкновенно красивую картину. Казалось, я вижу живую миниатюру величиной приблизительно с подвижную сторону волшебного фонаря. Я до сих пор помню эту картину. Это была полоса морского берега. Луна сияла над водой, которая медленно набегала на песок. Прямо впереди меня длинный мол выдавался в море.

С обеих сторон мола неправильные стены возвышались над уровнем моря. На берегу было несколько домов, четырехугольных, грубо сколоченных, совершенно не похожих по своей архитектуре ни на какие другие виденные мною дома. Никто не шевелился, но передо мной было море, сверкание лунного света на струящейся воде, точно я в действительности видел перед собой эту картину.

Это было прекрасно, и я, помнится, подумал, что если это будет продолжаться, мне так интересно будет смотреть, что я никогда не засну. Я совершенно не спал, и в то самое время, как я видел эту картину, я ясно слышал, как в окно ударяли капли дождя. Затем внезапно, без всякого видимого повода, сцена изменилась.

Освещенное луной море исчезло, и теперь я глядел прямо внутрь комнаты-читальни.

Казалось, что эта комната днем служит классной, а вечером читальней. Я помню, что видел одного читающего, который удивительно был похож на Тима Гаррингтона, хотя это был не он; он держал в руках журнал или книгу и смеялся. Это не была картина, это было прямо передо мной.

Казалось, что я смотрел на эту сцену в бинокль; я видел игру мускулов, блеск глаз, каждое движение неизвестного человека в неведомом месте, на которое я смотрел. Я видел все это, не открывая моих глаз, да и глазам моим нечего было бы здесь делать. Подобные вещи видят каким-то другим чувством, которое скорее находится внутри головы, чем в глазах.

Это был очень жалкий и ничтожный опыт, но он дал мне возможность лучше понять, как именно ясновидящие делают свои исследования.

Картины ни к чему не относились, они не были вызваны ничем, что я читал, или о чем говорил. Они просто явились передо мной, как будто бы мне дали посмотреть в зрительную трубку на что-то, происходящее где-то в мире. Я заглянул, и все прошло, и после подобный опыт уже не повторялся".

Стэд смотрит на это как на "жалкий и ничтожный опыт" и, быть может, на это и можно так смотреть, если сравнивать с более широкими возможностями; однако есть немало учеников, которые были бы очень благодарны, если бы могли рассказать хотя бы и о таком непосредственном личном опыте. Хотя он может быть и невелик сам по себе, но он сразу дает видящему нить ко всему, и для человека, видевшего хотя бы столько, ясновидение будет живой действительностью, чего бы никогда не случилось без подобного маленького соприкосновения с невидимым миром.

Картины эти не были простым отражением чужих мыслей, так как они были слишком отчетливы, и кроме того, описание несомненно указывает на то, что это были картины, виденные в астральный телескоп, так, что либо сам Стэд направил ток, либо же (что гораздо вероятнее) какое-нибудь доброе астральное существо привело для него этот ток в движение, и, чтобы провести утомительное время бессонницы, показало ему те картины, которые случайно пришлось на противоположном конце трубки.

Глава VII

ЯСНОВИДЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ: ПРОШЕДШЕЕ

Акаша-хроника — Рост ауры. — Искаженное отражение. — Личное уравнение. — Четвертое измерение. Интересная книга. — Странно, но неопровержимо. — Психометрия. — Какой вид имеют картины хроники. Прошлые жизни. Определение даты. — Воспоминание. Ценность знания. — Бессознательная психометрия. — Рассказ Циокке.

Ясновидением во времени, то есть способностью читать прошедшее и будущее, как и всеми другими видами ясновидения, обладают различные люди в очень разнообразных степенях, начиная от тех людей, которые вполне владеют обеими этими способностями, и вплоть до таких, которым

лишь случайно и невольно являются очень несовершенные проблески или отражения событий, принадлежащих иному времени. Человеку последнего типа может представиться, скажем, видение какого-нибудь прошедшего события, но оно будет совершенно искажено; а если даже оно и окажется совершенно точным, все же это почти наверное будет просто отдельная картина, и возможно, что видящий ее человек совершенно не сможет сопоставить ее с тем, что случилось перед тем или после того, или объяснить то необычное, что могло в ней проявиться. Тренированный же ученик может проследить драму, связанную с полученной им картиной, заглянув назад или вперед до любого желательного предела, и отметить одинаково легко и причины, которые привели к ней, и результаты, которые она в свою очередь дает.

Быть может, нам будет легче понять эту несколько более трудную часть нашего исследования, если мы будем рассматривать ее, сделав подразделения, которые напрашиваются сами собой, и обратимся сначала к зрению, обращенному назад, в прошлое, оставив для позднейшего рассмотрения зрение, пронизывающее покровы будущего. В обоих случаях нам следует попытаться понять все, что можем, относительно *modus operandi*, даже если наш успех в самом лучшем случае будет очень умеренным, благодаря, во-первых, неполноте сведений, которыми обладают в настоящее время наши исследователи относительно некоторых пунктов этого вопроса, и, во-вторых, вследствие постоянно напоминающего о себе недостатка физических слов, которыми можно выразить хотя бы сотую долю того немногого, что мы знаем относительно высших планов и способностей.

Итак, переходя к подробным видениям из области отдаленного прошлого: — как они получаются и к какому плану природы они в сущности принадлежат? Ответ на оба эти вопроса лежит в том, что видения эти читаются в Акаша-хронике; но это положение в свою очередь потребует объяснений для многих читателей. В самом деле, слово это дает несколько неверное обозначение, потому что хотя хроника несомненно читается в акаша или в материи ментального плана, но на самом деле принадлежит она не этому плану. Еще хуже другое название — "летописи астрального света", которое иногда употреблялось, потому что эти летописи лежат далеко за пределами астрального плана, а на нем можно получить лишь отрывочные проблески, так сказать, двойного отражения их, как сейчас будет объяснено.

Как многие другие наши теософические термины, слово акаша употреблялось в очень неточном смысле. В некоторых из наших более ранних книг оно служит как синоним астрального света, в других же им пользовались для обозначения всякого рода невидимой материи, от мулапракрити и вплоть до физического эфира. В позднейших книгах употребление его было ограничено: оно обозначало материю ментального плана, и в этом смысле о хронике можно говорить, как об Акаша-хронике, потому что хотя она создается и не на ментальном плане, как и не на астральном, однако именно здесь мы в первый раз приходим в соприкосновение с ней и можем делать над ней исследования, заслуживающие доверия.

Вопрос о хронике далеко не легкий, потому что принадлежит к тому многочисленному ряду вопросов, которые требуют для своего понимания способностей гораздо более высокого порядка, чем те, которые человечество до сих пор развило в себе.

Истинное разрешение этой проблемы лежит на планах гораздо более высоких, чем те планы, которые сколько-нибудь доступны нашему познанию в настоящее время, — и всякое наше исследование их летописей должно неизбежно быть очень несовершенного характера, так как мы можем подходить к ним лишь снизу, а не сверху. Поэтому мы можем составить себе о них лишь очень неполное представление, но это не введет нас в заблуждение, если мы не будем принимать те небольшие отрывки, которые единственно нам доступны, за законченное целое. Если мы постараемся, чтобы те понятия, которые мы можем образовать, были бы по возможности точными, то нам не придется ничему разучиваться, хотя многое придется дополнять, когда с течением нашего дальнейшего развития мы будем постепенно приобретать высшую мудрость.

Нужно понять с самого начала, что вполне охватить наш предмет невозможно на настоящей ступени нашего развития, и что должно возникнуть много таких вопросов, на которые до сих пор нельзя получить точных объяснений, хотя часто можно провести аналогии и указать, в каком направлении должно лежать объяснение.

Постараемся же перенестись мысленно к самому началу той солнечной системы, к которой мы принадлежим. Всем нам известна обычная астрономическая теория ее происхождения (называемая обыкновенно теорией туманности), по которой она впервые начала существовать в виде гигантской раскаленной туманности, диаметр которой далеко превосходил диаметр орбит даже самых отдаленных от центра планет, а затем, по мере того, как в течение бесчисленных веков эта огромная сфера постепенно охлаждалась и сокращалась, образовалась та система, которую мы знаем.

Оккультная наука принимает эту теорию в ее общих чертах, как правильно изображающую чисто физическую сторону эволюции нашей системы, но она прибавляет, что если мы ограничим наше внимание одной только этой физической стороной, то будем иметь лишь очень неполное и бессвязное представление о том, что действительно произошло. Для начала она допускает, что предпринимающее образование системы высшее Существо (которое мы иногда называем Логосом системы), прежде всего образует в своем сознании законченную идею всей этой системы со всеми ее последовательными цепями миров. Самим актом образования этой идеи Оно вызывает целое к одновременному объективному существованию на плане Своей мысли (план этот, конечно, лежит гораздо выше всех тех планов, о которых мы что бы то ни было знаем) и с этого плана постепенно спускаются различные планеты по мере того, как должны перейти в то или иное состояние дальнейшей объективности, предназначенное для каждой из них. Если мы не будем постоянно помнить об этом факте, то есть о том, что истинное существование всей системы начинается с высшего плана, мы всегда будем неправильно истолковывать физическую эволюцию, которая совершается перед нашими глазами на земле.

Но в этой области оккультизм учит нас не только этому. Он не только говорит нам, что вся наша удивительная система, с ее низшими и высшими планами, вызвана к существованию Логосом, но также и то, что отношение этой системы к нему еще теснее, так как она есть часть его (частичное выражение его на физическом плане), и что движение и энергия всей системы есть его энергия, действующая в пределах его ауры. Как бы ни была поразительна эта мысль, она не покажется совершенно непонятной тому, кто хоть сколько-нибудь изучал вопрос об ауре.

Нам известна та идея, что по мере того, как человек все больше и больше развивается, его тело причинности (крайняя граница его ауры) заметно вырастает в смысле объема, а также в смысле блеска и чистоты окраски. Многие из нас знают по опыту, что аура ученика, уже достаточно далеко подвинутого на пути, гораздо обширнее, чем аура того, кто только лишь вступил на этот Путь; и еще больше увеличивается она у Адепта. Мы читаем в экзотерических восточных писаниях о громадном протяжении ауры Будды; кажется, в одном месте указано, что она доходила до трех миль в окружности, но какова бы ни была ее точная величина, ясно, что здесь перед нами еще одно свидетельство о факте крайне быстрого роста тела причинности, по мере того, как человек подвигается на пути. Едва ли может быть сомнение в том, что скорость ее роста сама будет увеличиваться в геометрической прогрессии; так что мы не должны удивляться, если услышим об Адепте, стоящем на еще более высокой ступени, аура которого способна вместить сразу целый мир; а отсюда мы можем постепенно привести наш ум к пониманию того, что может быть такое высокое Существо, которое в состоянии включить в себя всю нашу солнечную систему. И мы должны помнить, что как бы грандиозно все это нам ни казалось, все же это только маленькая капля в обширном океане пространства.

Таким образом, относительно Логоса (который заключает в себя все способности и свойства, какими мы только можем наделить высочайшего, доступного нашему воображению Бога) оказываются буквально верными некогда сказанные слова, что "от Него, через Него и к Нему — все" и "в нем мы живем, движемся и существуем".

Если же это так, то ясно, что всё, что случается в пределах нашей системы, непременно случается в пределах сознания её Логоса, и поэтому мы сразу видим, что истинная хроника должна быть его памятью. Больше того: очевидно, что на каком бы плане эта чудесная память ни существовала, она должна быть гораздо выше всего, что мы знаем, и следовательно, хроника, которую мы были бы в состоянии прочесть, должна быть лишь отблеском великой доминирующей памяти, отраженным в более плотной среде наших планов.

На астральном плане сразу видно, что это именно так, то есть: то, с чем мы там имеем дело, есть лишь отражение отражения, да ещё крайне несовершенное, потому что те летописи, которые доступны нам, крайне отрывочны и часто очень искажены.

Мы знаем, что воду повсеместно считают символом астрального света, и в этом случае символ этот чрезвычайно подходит. На поверхности спокойной воды мы можем получить отчётливое отражение окружающих предметов совершенно так, как в зеркале; но в лучшем случае это всё же лишь отражение — то есть изображение в двух измерениях трёхмерных предметов, следовательно, изображение, отличающееся всеми свойствами (кроме цвета) от того, что оно изображает, и вдобавок ещё — всегда опрокинутое.

Но пусть поверхность воды всколыхнется ветром, — что тогда мы увидим? Конечно, опять-таки отражение, но оно будет до такой степени изломанное и искаженное, что совершенно не сможет нам служить указанием относительно формы и истинного вида отраженных предметов, наоборот,

скорее наведет нас на ложный путь. Там и сям на минуту мы случайно получим отчетливое отражение какой-нибудь незначительной подробности картины, единого листика с дерева, например, — но потребуются долгая работа и немалое знание естественных законов, чтобы построить что-нибудь похожее на истинный вид отраженного предмета, складывая вместе такие отдельные фрагменты его образа, если даже таких фрагментов окажется много.

На астральном плане мы никогда не можем иметь ничего, приближающегося к тому, что мы представили себе в виде спокойной поверхности; наоборот, там нам все время приходится иметь дело с поверхностью, находящейся в быстром, ошеломляющем движении; судите поэтому, как мало там надежды получить ясное и определенное отражение. Вот почему ясновидящий, обладающий только способностью астрального зрения, никогда не может считать точной и совершенной никакую картину прошлого, возникающую перед ним; иногда какая-нибудь часть ее может быть точной и совершенной, но у него нет возможности знать — какая это часть.

Если он находится под руководством знающего учителя, возможно, что ему после долгой и тщательной тренировки будет указано, как отличать верные впечатления от неверных и как строить из искаженных отражений нечто вроде образа отраженного предмета; но обыкновенно задолго до того, как ему удастся одолеть эти трудности, он разовьет в себе деваканическое зрение, которое делает этот труд излишним.

На следующем плане, который мы называем ментальным или деваканическим, мы имеем дело с совершенно другими условиями. Здесь хроника полна и точна и в чтении ее невозможно ошибиться. Иначе говоря, если бы трое ясновидящих, обладающих силами деваканического плана, согласились бы между собой исследовать здесь какой-нибудь отрывок летописи, то каждому представилось бы абсолютно одно и то же отражение, и каждый правильно прочитал бы его. Но отсюда не следует, что когда позднее на физическом плане все они сравнят свои заметки, то отчеты их будут совершенно совпадать. Хорошо известно, что если три человека, бывших свидетелями какого-нибудь случая здесь, у нас, в физическом мире, примутся после рассказывать об этом случае, их рассказы будут очень отличаться друг от друга, потому что каждый заметит как раз те стороны, которые больше всего подействуют на него, и незаметно для себя сделает из них главные черты события, часто и не подозревая о других сторонах, которые в действительности были гораздо важнее.

Но при наблюдениях на ментальном плане это личное уравнение не может особенно вредить получаемым впечатлениям, потому что каждый наблюдающий видит весь предмет целиком и ему уже невозможно рассматривать частности вне должных пропорций; но этот фактор (за исключением тех случаев, когда дело идет об основательно тренированных и опытных людях) начинает действовать при передаче впечатлений на низшие планы. По самой природе вещей невозможно рассказать на земле о каком-нибудь деваканическом видении или опыте так, чтобы рассказ этот был полным, потому что девять десятых того, что можно увидеть и почувствовать там, совершенно не может быть выражено физическими словами; поэтому можно выразить только часть виденного, и здесь, очевидно, является некоторая возможность выбора той части, которую можно выразить. По этой именно причине в наших теософических исследованиях последних лет было приложено так много усилий к тому, чтобы постоянно сличать и проверять показания ясновидящих, и ничему, основанному на видении одного лишь какого-нибудь лица, не было позволено появиться в наших позднейших книгах.

Но даже тогда, когда возможность ошибки вследствие действия личного уравнения сведена к минимуму при помощи системы тщательной проверки, все-таки остается очень серьезная трудность, которая присуща всякому перенесению впечатлений с высшего плана на низший. Это нечто аналогичное той трудности, которую испытывает художник, когда пытается изобразить трехмерный пейзаж на плоской поверхности, то есть в двух измерениях. Совершенно подобно тому, как артист должен долго и тщательно развивать глаз и руку, чтобы дать удовлетворительное изображение природы, так и ясновидящий нуждается в долгом и тщательном развитии для того, чтобы точно описывать на низшем плане то, что он видит на высшем; и возможность получить правильное описание от лица, не прошедшего этой школы, приблизительно равна возможности получить вполне законченный пейзаж от человека, который никогда не учился рисовать.

Нужно также помнить, что самая совершенная картина в действительности бесконечно далеко не воспроизводит сцену, которая на ней изображена, потому что едва ли хоть одна единственная линия или один угол в ней — точно такие же, как у того предмета, с которого она списана. Это просто очень искусная попытка, с помощью линий и красок на плоской поверхности, произвести на одно из наших пяти чувств впечатление, подобное тому, которое получилось бы, если

бы на самом деле перед нами находилась изображенная сцена. И иначе как с помощью намеков, понимать которые мы можем исключительно только на основании прежнего опыта картина нам не может передать ни шума моря, ни запаха цветов, ни вкуса плодов, ни мягкости или жесткости нарисованной поверхности.

Подобного же рода затруднения, но в еще большей степени, испытывает ясновидящий, когда пытается описать на физическом плане то, что он видел на астральном; и кроме того эти затруднения еще увеличиваются тем, что вместо того, чтобы просто напоминать умам слушателей о представлениях, с которыми они уже знакомы, как это делает художник, когда изображает людей или животных, поля или деревья, — ему приходится пытаться с помощью очень несовершенных средств, имеющихся в его распоряжении, внушить им представления, которые в большинстве случаев для них абсолютно новы.

Поэтому неудивительно, что как бы живы и поразительны не казались его описания слушателям, сам он будет постоянно сознавать их полную неудовлетворительность и все время чувствовать, что как бы он ни старался, он не может дать настоящее понятие о том, что он действительно видит. И мы должны помнить, что когда дело идет о передаче на наш план воспоминания, прочитанного в хронике на ментальном плане, — эта трудная операция передачи с высшего плана на низший делается не один раз, а два, так как воспоминание переносится через астральный план, лежащий между ментальным и физическим. Даже если исследователь настолько развил в себе деваканические способности, что может пользоваться ими, бодрствуя в своем физическом теле — все же он связан абсолютной невозможностью выразить на физическом языке все то, что он видит.

Попробуйте на минуту представить себе, что называется четвертым измерением, о котором мы говорили выше. Нам легко думать о наших трех измерениях, представить себе в уме длину, ширину и высоту любого примета, и мы видим, что каждое из этих трех измерений выражается линией, лежащей под прямым углом к обоим линиям других измерений. Идея четвертого измерения допускает возможность провести четвертую линию, которая будет лежать под прямым углом ко всем уже существующим.

Но обычный ум никак не может охватить эту идею, хотя те немногие, которые специально изучали предмет, постепенно пришли к тому, что были в состоянии представить себе одну или две из простейших четырехмерных фигур. И все же никакие слова, употребленные на этом плане, не могут передать чужому уму образы этих фигур, и если какой-нибудь читатель, который не тренировался специально в этом направлении, сделает попытку представить себе в зрительном образе подобную форму, он найдет, что это совершенно невозможно. В самом деле — ясно выразить подобную форму в физических словах это все равно, что с точностью описать один какой-нибудь предмет на астральном плане. Если же мы рассматриваем хронику на ментальном плане, перед нами возникают еще новые трудности пятого измерения.

Таким образом, невозможность полного объяснения этой хроники очевидна даже для самого поверхностного наблюдения.

Мы назвали эту хронику памятью Логоса, но это нечто гораздо большее, чем память в обычном смысле слова. Хотя и невозможно вообразить себе, как эти образы представляются с его точки зрения, все же мы знаем, что по мере того, как мы поднимаемся выше и выше, мы должны приближаться к истинной памяти, мы должны ближе подойти к тому, чтобы видеть так, как он видит. Вот почему необыкновенно интересен опыт ясновидящего, когда он смотрит на эти летописи, находясь на буддхическом плане — высочайшем, какого может достичь его сознание, даже когда оно не соединено с физическим телом, пока он не дойдет до уровня Архата.

Здесь время и пространство уже больше не ограничивают его; здесь ему уже не нужно, как на ментальном плане, проследить за целым рядом событий, потому что прошедшее, настоящее и будущее одинаково и одновременно предстают перед ним, хотя это и звучит для нас здесь бессмысленно. Правда, даже и этот высокий план бесконечно ниже сознания Логоса, но все же из того, что мы видим здесь, совершенно ясно, что для Логоса хроника должна быть чем-то гораздо большим, чем то, что мы называем памятью, потому что все то, что произошло в прошедшем, и все, что произойдет в будущем, происходит в настоящее время перед его взором совершенно так, как то, что мы называем событиями настоящего времени.

Конечно, это кажется невероятным и глубоко непонятным нашему ограниченному пониманию; и тем не менее это абсолютно верно.

Разумеется, мы не можем ожидать, что на нашей настоящей ступени знания — мы поймем, каким образом получается такой поразительный результат, и всякая попытка объяснить это заставит

нас только запутаться в туманных словах, которые все же не дадут нам истинного понимания. Все же на ум лишь приходит такая постановка вопроса, которая, быть может, укажет в каком направлении может лежать объяснение; а все, помогающее нам представить себе, что такое поразительное положение может быть в конце концов и не совсем невозможно, — способствует расширению нашего ума.

Помнится, лет тридцать тому назад я читал любопытную книжку, которая называлась, кажется, "Звезды и Земля" ("The Stars and Earth"). Книжка эта пыталась научно объяснить, каким образом для божественного ума прошедшее и будущее могут существовать одновременно. Доказательства в ней показались мне положительно интересными, и я изложу их вкратце, так как думаю, что в них можно найти намеки в связи с предметом, который нас занимает.

То, что мы видим (будь то книга, которую мы держим в руках, или звезда, находящаяся на расстоянии миллионов миль от нас), мы видим благодаря вибрациям эфира, называемым обыкновенно световыми лучами и направляющимися от видимого нами предмета к нашим глазам. Скорость же распространения этих вибраций так велика (около 186000 миль в секунду), что по отношению к любому предмету в нашем мире мы можем смотреть на эти вибрации, как на мгновенные. Но когда нам приходится иметь дело с межпланетными расстояниями, мы должны принимать в соображение скорость света, так как для того, чтобы пройти эти обширные пространства, нужен заметный период времени. Например, нужно восемь минут с четвертью для того, чтобы свет дошел от солнца до нас, так, что когда мы глядим на солнечный шар, мы видим его, благодаря лучу света, покинувшему его больше восьми минут тому назад.

Отсюда следует любопытный вывод: световой луч, с помощью которого мы видим солнце, очевидно может передать нам только то положение дел, которое существовало на этом светиле, когда он отправился в свой путь, и на него нисколько не подействует то, что случится там, после того, как он был отослан; так что поистине мы видим солнце не таким, как оно есть, но как оно было восемь минут назад. Иначе говоря, если бы что-нибудь важное совершилось на солнце (например, образование нового солнечного пятна), астроном, наблюдающий в это время светило в свой телескоп, ничего не будет знать о событии в то время, как оно происходит, так как луч света, несущий эту новость, достигает до него лишь больше, чем восемь минут спустя.

Разница оказывается еще более поразительной, когда мы рассматриваем неподвижные звезды, потому что в этом случае расстояния еще значительнее. Например, полярная звезда так далека от нас, что свету, проходящему с упомянутой уже непостижимой быстротой, нужно немного больше пятидесяти лет для того, чтобы достигнуть нашего "глаза"; а отсюда следует тот странный, но неизбежный вывод, что мы видим полярную звезду не такой, какова она в эту минуту, и не там, где она теперь, а такой, какой она была, и там, где она была — пятьдесят лет тому назад. И если завтра какая-нибудь космическая катастрофа разобьет полярную звезду вдребезги, мы все еще будем видеть ее мирно сияющей на небе до конца нашей жизни; наши дети достигнут среднего возраста и в свою очередь соберут вокруг себя своих детей раньше, чем весть об этом ужасном случае достигнет чьего-нибудь глаза на земле.

Есть еще и другие звезды, которые так далеки, что нужны тысячелетия для того, чтобы свет передался от них к нам, и поэтому наши сведения о них отстают на тысячи лет.

Теперь поведем наше доказательство еще дальше. Предположим, что мы можем поместить человека на расстояние 186000 миль от земли и при этом снабдить его чудесной способностью видеть на этом расстоянии то, что совершается здесь, так же отчетливо, как если бы он все еще находился рядом с нами. Очевидно, что помещенный таким образом человек будет видеть все через секунду после того, как оно действительно произошло и таким образом в каждый данный миг он будет видеть то, что случилось секунду тому назад. Удвойте расстояние, и он будет отставать на две секунды и так далее. Отодвиньте его на расстояние солнца (с тем, чтобы он все время сохранял ту же таинственную силу зрения), и он будет смотреть вниз и наблюдать не то, что вы делаете теперь, но то, что вы делали восемь с четвертью минут тому назад. Поместите его на полярную звезду, и он увидит перед глазами события, происходившие пятьдесят лет тому назад; он будет следить за детскими играми тех, которые в это самое время на самом деле сделались уже пожилыми людьми. Как бы это ни казалось удивительным, все же это буквально и научно верно и отрицать этого нельзя.

Книжка продолжала довольно логично доказывать, что так как Бог всемогущ, то он обладает удивительной силой зрения, которой мы в виде предположения наделили нашего наблюдателя; и далее, что так как он вездесущ, то он может находиться в каждом из упомянутых нами мест, а также на каждой лежащей между ним точке не последовательно, а одновременно. Если признать эти предпосылки, то последует неизбежный вывод, что все, когда-либо случившееся с самого начала

мира должно в этот самый момент совершаться перед глазами Бога — не только как простое воспоминание об этом, но как действительное совершение, которое он теперь же может наблюдать. Все это довольно материалистично и лежит на плане чисто физической науки, и поэтому можно быть уверенным, что память Логоса действует не так; но эта постановка вопроса сделана искусно и неопровержимо, и как я уже сказал, не бесполезно, потому что позволяет кинуть взгляд на некоторые возможности, которые иначе могли бы не прийти нам в голову.

Но нас могут спросить — как можно в хаотическом беспорядке этих воспоминаний прошлого найти какую-нибудь определенную картину, когда она нужна?

Действительно, нетренированный ясновидящий обыкновенно не может сделать этого без какого-нибудь специального звена, которое вводит его в общение с тем, что ему нужно. Примером этого рода служит психометрия, и очень возможно, что наша обычная память есть в сущности только другой аспект той же самой идеи. Кажется, как будто есть нечто вроде магнетической силы или сродства между любой частичкой материи и страничкой хроники, содержащей ее историю, — сродства, которое дает ей возможность действовать, как проводник между этой страничкой хроники и способностями всякого, кто может ее прочесть.

Например, я привез однажды из Стонхенджа маленький обломок камня, не больше булавочной головки; когда я положил его в конверт и протянул одной женщине-психометру, которая не имела понятия о том, что это такое было, — она сразу начала описывать эту чудесную руину и ее пустынные окрестности, а затем стала очень живо передавать сцены, очевидно, относившиеся к ее прошлой истории, доказывая этим, что крошечного обломка достаточно для того, чтобы привести ее в общение с летописями, связанными с тем местом, откуда этот обломок был взят.

Сцены, которые встречаются нам в течение нашей жизни, по-видимому, действуют таким же образом на клеточки нашего мозга, как подействовала история Стонхенджа на эту частичку камня: они устанавливают связь с теми клеточками, с помощью которых наш ум приводится в общение с этой специальной частью прошлого и поэтому мы "вспоминаем" то, что видели.

Даже для тренированного ясновидящего нужно какое-нибудь звено, чтобы дать ему возможность найти воспоминание события, о котором он не имеет никаких предварительных сведений. Представим себе, например, что он хотел бы наблюдать высадку Юлия Цезаря на берегах Англии; у него есть несколько способов подойти к предмету. Если он побывал когда-нибудь в том месте, где это случилось, то ему будет проще всего представить себе это место, а затем углубиться в летописи прошлого, пока он не достигнет желаемого периода. Если он не видел места, он может углубиться в даль времен и дойти до того числа, когда случилось событие, а затем поискать путь для флотилии римских галер. Или он может исследовать хронику римской жизни приблизительно этого периода, где ему нетрудно будет найти такую выдающуюся фигуру, как Цезарь, или, найдя его, проследить за ним во время всех его галльских войн вплоть до вступления на Британский берег.

Многие часто спрашивают — какой вид имеют эти летописи, кажутся ли они близкими или далекими от глаз, велики или малы в них фигуры, следуют ли картины одна за другой, как в панораме, или переходят одна в другую, как в меняющихся видах и т.д. На это можно лишь ответить, что внешний вид их меняется до некоторой степени в связи с условиями, при которых их видят. На астральном плане отражения являются чаще всего в виде простой картины, хотя иногда видимые на ней фигуры движутся; в этом случае перед нами более длительное и более совершенное отражение.

На ментальном плане у них два чрезвычайно различных аспекта. Когда тот, кто находится на этом плане, не думает специально об этих отражениях, они просто образуют задний план для всего происходящего совершенно так, как отражение в трюмо, находящемся в конце комнаты, может образовать задний план для жизни людей в этой комнате. Нужно всегда помнить, что при этих условиях они в сущности являются простым отражением бесконечной деятельности великого сознания на гораздо более высоком плане, и очень напоминают непрерывную смену картин в кинематографе или живой фотографии. Они не переходят друг в друга, как изменяющиеся виды, но также нельзя сказать, что это была серия обыкновенных, следующих друг за другом картин; движения отраженных фигур все время продолжаются, как будто бы актеры движутся на отдаленной сцене.

Но если тренированный исследователь направит свое специальное внимание на какую-нибудь сцену или захочет вызвать ее перед собой, тогда сразу произойдет необыкновенная перемена, потому, что это — план мысли и подумав здесь о чем-нибудь, это значит немедленно вызвать перед собой то, о чем подумал.

Например, если человек хочет видеть воспроизведение того события, о котором мы уже упоминали (высадка Юлия Цезаря), то сразу окажется, что он не то что смотрит на эту картину, но

стоит на берегу посреди легионеров, вся сцена происходит вокруг него, и он видит ее совершенно так, как видел бы, если бы стоял здесь во плоти в то осеннее утро 55-го года до Р. Х. Так как то, что он видит, есть лишь отражение, то действующие лица, конечно, совершенно не сознают его присутствия; точно так же никакое его усилие ни капельки не может изменить хода их действий; но он может контролировать скорость, с которой вся сцена разворачивается перед ним, может сделать так, чтобы события целого года развернулись перед его глазами в один час, может в любую минуту совершенно остановить движение или рассматривать каждую отдельную сцену, как картину, сколько времени захочет.

На самом деле он наблюдает не только то, что видел бы, если бы стоял здесь в то время во плоти, но гораздо больше того. Он слышит и понимает все, что говорят люди, и он знает все их мысли и побуждения; чрезвычайно интересна одна из многих возможностей, открывающихся перед тем, кто научился читать хронику, это — возможность изучать мысли давно прошедших веков, мысли пещерных жителей, озерных жителей так же, как и мысли, руководившие могучими цивилизациями Атлантиды, Египта или Халдеи. Легко можно вообразить себе — какие блестящие перспективы открываются перед человеком, который в совершенстве обладает этой способностью.

Перед ним захватывающее интересное поле для исторических исследований. Он не только может, если захочет, пересмотреть всю историю, с которой мы знакомы, поправляя при этом расследовании многие ошибки и неправильные идеи, которые вкрались в дошедшие до нас описания событий; он может также, по желанию, проследить всю историю с самого ее начала, наблюдая медленное развитие интеллекта в человеке, сошествие Владык племени и рост основанных ими великих цивилизаций. Но его изучение не ограничено одним лишь прогрессом человечества; он видит перед собой, как в музее, все странные животные и растительные формы, которые фигурировали в те дни, когда мир был молод; он может проследить за всеми удивительными геологическими переменами, которые произошли, и наблюдать за ходом великих переворотов, много раз изменявших все лицо земли. В одном особом случае для читающего хронику возможно даже более тесное симпатическое общение с прошлым. Если во время своих исследований он увидит какую-нибудь сцену, в которой он сам принимал участие в одно из своих предшествовавших рождений, он может поступить двояко: или взглянуть на нее обычным образом, как зритель (но, нужно помнить, всегда как зритель, проникновение и симпатия которого совершенны), или еще раз отождествить себя со своей давно умершей личностью и на время снова броситься в эту давно прошедшую жизнь и испытать снова все мысли и чувства, радости и страдания доисторического прошлого. Трудно и вообразить себе те бурные и живые происшествия, через которые он может пройти. И однако при всем том он никогда не должен терять сознания своей собственной индивидуальности, — он должен сохранить власть вернуться к своей личности данного времени.

Часто спрашивают — каким образом может исследователь точно определить дату какой-либо сцены из далекого прошлого, которую он открывает в хронике. Правда, иногда это бывает очень скучная работа — найти точную дату, но все же обыкновенно это можно сделать, если только стоит тратить на это время и труд.

Если перед нами времена греков или римлян, — проще всего будет заглянуть в сознание наиболее интеллигентного лица из участвующих в сцене и посмотреть — какое в тот момент число по его мнению. Или исследователь может проследить за тем, как он пишет письмо, или другой документ, и заметить — пометил ли он его каким-нибудь числом, и если — да, то каким именно. Раз римская или греческая дата получена таким образом, то перевести ее на нашу собственную систему хронологии будет делом простого вычисления. Очень часто применяется и другой способ: от той сцены, которую наблюдаешь, можно обратиться к современному ей событию в каком-нибудь большом и хорошо известном городе, как например в Риме, и заметить — какой монарх царствует в это время, или — какие в этом году консулы; и когда это установлено, беглого взгляда в любое хорошее историческое сочинение будет достаточно, чтобы выяснить остальное. Иногда можно найти дату, рассматривая какую-нибудь публичную прокламацию или какой-нибудь юридический документ, что касается тех времен, о которых мы говорим, то эту трудность легко преодолеть.

Однако это далеко не так просто, когда нам приходится иметь дело с гораздо более ранними периодами, например, с событиями из времен древнего Египта, Халдеи или Китая, или еще раньше — из времен самой Атлантиды или какой-нибудь из ее многочисленных колоний. Дату все еще можно довольно легко найти в сознании всякого образованного человека, но у нас нет уже никаких средств перевести ее на нашу собственную систему исчисления, так как тот человек ведет свое летоисчисление по эрам, о которых мы ничего не знаем, или по царствованиям королей, история которых затеряна во тьме времен.

Тем не менее наши методы еще не исчерпаны. Нужно помнить, что исследователь может сделать так, чтобы картины хроники проходили перед ним со скоростью, какую он пожелает, со скоростью целого года в секунду, если он захочет, или, может быть, и еще гораздо быстрее. В древнейшей же истории есть одно или два события, даты которых были уже точно установлены, как например погружение и исчезновение Посейдониса в 9564 году до Р. Х. Отсюда ясно, что если по общему виду всего окружающего возможно заключить, что видимая картина находится на измеримом расстоянии от одного из этих событий, то ее можно привести в соотношение с этим событием, быстро пробегая летописи и сосчитывая года между событиями, по мере того, как они проходят.

Но если эти годы будут насчитываться тысячами, как это иногда бывает, то этот способ будет невыносимо утомителен. В этом случае приходится возвращаться назад к астрономическому методу. Вследствие движения, которое обыкновенно называется процессией равноденствий, хотя его более точно можно было бы описать, как нечто вроде (подчиненного) вращения земли, угол между экватором и эклипкой постоянно, хотя и очень медленно, изменяется. Так, после долгих промежутков времени мы находим, что полюс земли обращен уже не к тому же самому месту в видимой сфере небес, или, другими словами, наша полярная звезда не есть, как в настоящее время альфа Малой Медведицы, но некоторое другое небесное тело, и на основании этого положения полюса земли, которое легко может быть проверено с помощью тщательных наблюдений ночного неба на рассматриваемой картине, можно без труда вычислить приблизительную дату.

При вычислении дат событий, происшедших миллионы лет тому назад в древнейших расах, период (подчиненного) вращения (или прецессии равноденствий) часто берется за единицу; но, разумеется, абсолютная точность обыкновенно не требуется в подобных случаях и круглые цифры совершенно достаточны для всех практических целей, когда дело приходится иметь с такими отдаленными эпохами.

Но не следует думать, что каждый может научиться правильно читать летописи своих или чужих прошлых жизней без предварительной очень основательной подготовки.

Хотя, как было уже замечено, случайные отражения можно получать и на астральном плане, но для того, чтобы читать сколько-нибудь правильно, нужно уметь пользоваться деваканическим чувством. А для того, чтобы возможность ошибки довести до минимума, исследователь должен уметь контролировать это чувство, действуя в своем физическом теле. Для приобретения этой способности нужны целые годы огромного труда и строгой работы над собой.

Кажется, многие думают, что как только они вступят в Теософическое Общество, так сразу же припомнят, по крайней мере, три или четыре прошлых своих воплощения; и правда, некоторые быстро начинают воображать себе эти воспоминания и объявляют, что в последнем своем воплощении они были Марией Шотландской, Клеопатрой или Юлием Цезарем! Разумеется, такие экстравагантные претензии просто-напросто дискредитируют тех, которые имеют глупость предъявлять их; но, к несчастью это несколько отражается также, хотя и несправедливо, на репутации Общества, к которому эти люди принадлежат; поэтому человек, чувствующий, что в нем накапливается убеждение, будто он был Гомером или Шекспиром, сделает хорошо, если попридержит себя и прежде, чем обнародовать миру эту новость, испытает свой здравый смысл на физическом плане.

Совершенно верно, что некоторые люди во сне видят смутные проблески событий из их прошлых жизней, но понятно, что обыкновенно все это очень отрывочно и малодостоверно. У меня у самого очень давно был опыт подобного рода. В числе моих снов был один, который постоянно повторялся: в этом сне я видел дом с портиком, откуда открывался вид на чудную бухту; дом стоял недалеко от горы, на вершине которой возвышалось изящное здание. Я прекрасно знал этот дом;

расположение комнат в нем и вид из двери были мне так же хорошо знакомы, как те же подробности в моем доме, где я жил в настоящей своей жизни. В те дни я ничего еще не знал о перевоплощении и частое повторение этого сна казалось мне просто любопытным совпадением, и лишь впоследствии через некоторое время после того, как я вступил в Общество, однажды, когда некто знающий показывал мне некоторые картины из моего последнего воплощения, я открыл, что этот упорный сон на самом деле был частичным воспоминанием, и что дом, который я так хорошо знал, был домом, где я родился больше, чем две тысячи лет тому назад.

Но хотя и бывают случаи, когда некоторые ярко запечатлевшиеся картины переходят таким образом из одной жизни в другую, тем не менее нужно большое развитие оккультных способностей для того, чтобы исследователь мог сознательно проследить за рядом воплощений своих собственных или чужих. Нам будет это вполне ясно, если мы вспомним условия задачи, которую нужно решить.

Для того, чтобы проследить за человеком из этой жизни в жизнь предшествовавшую, необходимо прежде всего уметь видеть все события его настоящей жизни от данного момента назад, вплоть до его рождения; затем исследовать в обратном порядке ступени, по которым "ego" спустилось к воплощению.

Очевидно, это должно привести нас назад, к условиям "ego" на его собственном плане, то есть на уровень арупа девакана; отсюда видно, что для успешного выполнения этой задачи исследователь должен уметь, бодрствуя в физическом теле, пользоваться чувством, соответствующим этому высокому уровню, иными словами — сознание его должно лежать в самом перевоплощающемся "ego", а не в низшей личности. В этом случае, если память "ego" пробудилась, его собственные прошлые воплощения будут лежать перед ним, как раскрытая книга; он сможет также, если захочет, проследить за другим "ego" на этом же уровне и последовать за ним через все его деваканические и астральные жизни, пока не дойдет до последней физической смерти этого "ego", и через нее — до его предшествовавшей жизни.

Только таким путем можно вполне правильно проследить за цепью жизней. Поэтому мы сразу можем отнести к числу сознательных и бессознательных самозванцев всех тех людей, которые объявляют, что могут сделать очерк чьих-либо прошлых воплощений за столько-то шиллингов с человека.

Бесполезно говорить, что истинный оккультист не объявляет о себе никогда, ни при каких случаях не принимает денег за проявление своих сил.

Изучающий Теософию ученик, желающий открывать ряды воплощений, может научиться этому, конечно, только у обладающего соответствующими знаниями учителя. Правда, некоторые настойчиво уверяют, что человеку достаточно чувствовать себя добрым, благоговейным и "братски настроенным", и тогда вся мудрость веков немедленно изольется на него, но небольшой дозы здравого смысла достаточно, чтобы понять нелепость такого утверждения. Как бы ни был ребенок добр, но если он хочет знать таблицу умножения, он должен сесть за работу и выучить ее. И совершенно то же самое надо сделать, чтобы научиться пользоваться духовными способностями. Самые способности, несомненно, будут проявляться по мере того, как развивается человек, но научиться пользоваться ими со всею точностью и полнотой можно только при помощи тяжелого труда и неослабных усилий.

Возьмем тех, которые хотят помогать другим, находясь во время сна на астральном плане. Ясно, что чем большими знаниями они будут обладать здесь, тем более ценными будут их заслуги и на том, более высоком плане. Например, знание языков будет полезным для них, потому что хотя на ментальном плане люди могут общаться непосредственно с помощью передачи мыслей, каков бы ни был язык, на котором они говорят, на астральном плане это не так, и мысль должна быть определенно формулирована словами для того, чтобы быть понятой. Поэтому, если вы хотите помогать человеку на этом плане, вы должны иметь какой-нибудь общий язык, с помощью которого вы можете сообщаться с ним, и, следовательно, чем больше языков вы знаете, тем шире может быть ваша помощь. Положительно, кажется, нет такого рода знания, которое не могло бы пойти на пользу в работе оккультиста.

Всем ученикам очень полезно знать, что оккультизм есть апофеоз здравого смысла и что не всякое, являющееся им видение, есть непременно картина из Акаша-хроники, и не всякий опыт есть откровение свыше. Гораздо лучше ошибаться в сторону здорового скептицизма, чем в сторону излишнего легковерия, и существует превосходное правило — никогда не искать оккультного объяснения для чего бы то ни было, когда возможно простое и очевидно физическое объяснение. Наш долг стараться всегда поддерживать наше равновесие и никогда не терять власти над собой, но всегда становиться на разумную здравую точку зрения относительно всего того, что может с вами случиться; тогда мы будем лучшими теософами, более мудрыми оккультистами и более полезными помощниками, чем были раньше.

Мы можем найти примеры всех степеней этой способности заглядывать в память природы, начиная от тренированного человека, который сам может по своей воле рассматривать хронику, и вплоть до такого лица, у которого бывают только случайные смутные проблески или даже, может быть, только один такой проблеск.

Но, даже человек, обладающий этой способностью лишь отчасти и случайно, все же находит, что все это глубоко интересно. Психометр, которому нужен предмет, физически связанный с прошедшим, для того, чтобы вызвать к жизни это прошедшее, и кристалло-созерцатель, который может иногда направлять свой менее верный астральный телескоп на какую-нибудь давно прошедшую историческую сцену, оба получают от своей способности величайшее удовольствие,

несмотря на то, что не всегда могут вполне точно понять, как они достигают своих результатов, и не всегда и не при всех обстоятельствах могут контролировать свои исследования. Во многих случаях низшего проявления этих сил мы находим, что человек владеет ими бессознательно. Многие кристалло-созерцатели наблюдают сцены из прошлого и не могут при этом отличить их от видений настоящего, и многие не сознающие себя психики видят, как перед их глазами непрерывно возникают картины и при этом даже не сознают, что на самом деле они психометризируют различные находящиеся вокруг них предметы, случайно трогая их или стоя около них.

Интересный образец подобного рода психиков — это человек, который может психометризировать только людей, а не неодушевленные предметы, как обыкновенно.

В большинстве случаев эта способность обнаруживается неправильно, и подобный психик, встретив кого-нибудь в первый раз, иногда сразу увидит какое-нибудь выдающееся событие из прошлой жизни этого незнакомца, а иногда при подобных же обстоятельствах никакого специального впечатления не получит. Реже мы встречаем таких, которые могут видеть все подробности прошлой жизни всякого, встречаемого им лица. Быть может, один из лучших примеров такого типа представляет собой немецкий писатель Цшокке, который описывает в своей автобиографии эту необычную способность, владеющую им. Он говорит: "Иногда со мной бывало так, что при первой встрече с совершенно незнакомым мне человеком, когда я молча прислушивался к его разговору, вся его жизнь вплоть до настоящего момента со многими мелкими подробностями, относящимися к тому или другому отдельному событию этой жизни, доходила до меня, как сон, но явственно; это делалось совершенно помимо моей воли и желания и продолжалось несколько минут.

Долго я был склонен смотреть на эти мимолетные видения, как на обман воображения, тем более, что обыкновенно мне виделись одежды и движения действующих лиц, комнаты, обстановка и прочие случайные подробности сцены. Но, однажды находясь в шутовском расположении духа, я рассказал в своей семье тайную историю швеи, которая только что перед тем вышла из комнаты. Я никогда до того не видал этой особы. А слушатели были удивлены, смеялись и не хотели верить, что я не знал ничего о прошлой жизни этой швеи, так как все, что я говорил, было совершенно верно.

Я был не менее удивлен, найдя, что мои видения соответствовали действительности.

Тогда я стал больше обращать внимания на них, всякий раз, когда это позволяло приличие, я рассказывал тем людям, чьи жизни проходили передо мной, в чем состояли мои видения для того, чтобы получить от них опровержение или подтверждение. И каждый раз следовало подтверждение не без удивления со стороны тех, которые принуждены были давать его.

В один прекрасный день я отправился в Вальдсхут в сопровождении двух молодых лесничих, которые живы до сих пор. Был вечер и, усталые от ходьбы, мы зашли в трактир под названием "Виноградный Куст". Мы ужинали в многочисленной компании за общим столом; случилось так, что все стали смеяться над странностью и простоватостью швейцарцев, верящих в месмеризм, Лафатерову физиономическую систему и тому подобное. Один из моих спутников, национальная гордость которого была затронута их насмешками, просил меня ответить им что-нибудь, особенно, чтобы возразить одному молодому человеку высокомерного вида, который сидел напротив и позволял себе самые неуместные насмешки.

Случилось так, что только что перед тем в моем уме пронеслись события из жизни этого лица. Я обратился к нему с вопросом, ответит ли он мне правдиво и чистосердечно, если я расскажу ему самые секретные случаи его истории, хотя он мне так же мало знаком, как и я ему. Это будет, прибавил я, кое-что получше физиономического искусства Лафатера. Он обещал, что если я скажу правду, он открыто это признает. Тогда я сообщил ему те события, которые я узнал из моих видений, и весь стол услышал о жизни молодого купца, о его школьных годах, его грешках, и наконец, об одном небольшом мошенничестве, которое он учинил над денежным ящиком своего хозяина. Я описал необитаемую комнату с ее белыми стенами, где направо от коричневой двери стоял на столе денежный ящик, и т. д.

Человек этот, сильно пораженный, признал правильность всех обстоятельств и даже последнего, чего я никак не ожидал".

И, рассказав этот случай, Цшокке спокойно удивляется и спрашивает себя — не была ли, в конце концов, эта его замечательная способность, которую он так часто проявлял, в сущности лишь результатом простого случайного совпадения!

В литературе по этому предмету мы находим сравнительно мало рассказов о людях, обладающих способностью глядеть в прошлое, и поэтому можно было бы предположить, что способность эта встречается гораздо реже, чем способность предвидения. Но я подозреваю, что на самом деле она просто гораздо реже распознается. Как я говорил раньше, может очень легко

случиться, что человек увидит картину прошлого, но не признает ее за таковую, если в ней случайно нет ничего, что привлекало бы специальное внимание, как например, фигур в латах или в античных костюмах. Предвидение тоже не всегда можно распознать сразу, но когда предвиденные события случаются, то и предвидение вспоминается очень живо, так что трудно этого не заметить. И очень возможно, что случайные проблески этих астральных отражений Акаша-хроники встречаются чаще, чем мы можем думать, на основании имеющихся об этом сведений.

Глава VIII

ЯСНОВИДЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ: БУДУЩЕЕ

Причины и следствия. — Когда возможен выбор направления. — Слова д-ра Лоджа. — Второе зрение. Страшное видение. — Бык и доктор. — Сон экономки. — Предвиденное убийство. — Предупреждение. — Призрачные армии. — Гора Соутер Фелл. Проказы духов. — Духи виселицы.

Мы можем до некоторой степени, хоть и очень неясно, представить себе, что сознанию, достаточно раскрытому, все прошлое может являться одновременно и действенно; но если мы попытаемся представить себе каким образом и все будущее также может быть заключено в этом сознании, перед нами встанут еще большие трудности. Если бы мы могли верить в магометанское учение о кисмете или в кальвинистическую теорию предопределения, тогда понять это нам было бы легче; но так как мы знаем, что и то и другое есть лишь уродливое искажение истины, то мы должны поискать более приемлемой гипотезы.

Конечно, есть такие люди, которые отрицают всякую возможность предвидения, но такое отрицание обнаруживает лишь насколько они невежественны в этой области.

Множество вполне проверенных случаев не оставляет места для сомнений в самом факте, но многие из этих случаев таковы, что найти для них разумное объяснение — задача далеко не легкая. Нет сомнения в том, что "его" обладает некоторой способностью предвидения и если бы те события, которые человек предвидит, всегда были бы очень значительны, то можно было бы предположить, что какая-то исключительная побудительная причина дает возможность "его", в каждом данном случае, отчетливо запечатлеть в сознании своей низшей личности то, что оно видело. Несомненно, таким образом объясняются многие случаи, когда предвидится смерть или большое несчастье, но есть много и таких случаев, для которых такое объяснение, по-видимому, не подходит, так как очень часто предсказанные события бывают крайне бессодержательны и ничтожны.

Иллюстрацией к тому, что я хочу сказать, может послужить известный рассказ, в котором фигурирует распространенное в Шотландии, так называемое второе зрение.

Человек, не веривший ни во что оккультное, был предупрежден одним ясновидящим, жившим в горах, о приближающейся смерти одного соседа. Пророчество изобиловало подробностями вплоть до полного описания похорон, причем названы были имена четырех лиц, которые должны были поддерживать концы покрывала на похоронной церемонии, а также имена остальных присутствующих. Человек, которому все это было сказано, посмеялся над всей этой историей и быстро забыл ее. Но смерть соседа в предсказанное время напомнила ему о предупреждении и он решил изменить во что бы то ни стало хоть часть этого предсказания и самому быть одним из тех, которые будут поддерживать концы покрывала. Ему удалось устроить дело так, как он хотел, но как раз в тот момент, когда похоронная процессия должна была двинуться, он был отозван от своего места по какому-то маленькому делу, которое задержало его на одну или две минуты. Когда он поспешно вернулся, он увидел с изумлением, что процессия тронулась без него и что предсказание исполнилось полностью в точности, так как покрывало несли как раз те четверо, которые были указаны.

В данном случае ничтожная подробность, ни для кого не имеющая никакого значения, была предсказана за несколько месяцев вперед; и хотя человек делает определенное усилие, чтобы изменить указанное распределение, ему ничего не удастся изменить.

Конечно, это очень похоже на предопределение (всего, вплоть до самых мельчайших подробностей), и только рассматривая этот вопрос с точки зрения высших планов, мы находим путь, который дает нам возможность избежать этой теории. Конечно, как я говорил уже по поводу другой стороны вопроса, полное объяснение не дается нам пока, и так оно и должно быть до тех пор, пока мы не будем знать бесконечно больше, чем знаем теперь.

Самое большее, на что мы можем надеяться в настоящее время, это указать направление, в котором может лежать объяснение.

Как бы то ни было — несомненно, что все, случившееся теперь, есть результат причин, действовавших в прошлом, и точно так же — все, что случится в будущем, будет результатом уже действующих причин. Даже на нашем физическом плане мы можем рассчитать, что за известными совершёнными поступками последуют известные результаты, но наши расчеты постоянно расстраиваются вмешательством факторов, которых мы не в состоянии предусмотреть. Если же мы поднимаем наше сознание на высоту ментального плана, мы сможем гораздо дальше заглянуть в результаты наших поступков.

Мы сможем проследить, например, за действием случайного слова не только на того человека, к которому оно было обращено, но через него и на многих других, так что слово это образует все более и более расширяющиеся круги, пока, наконец, не охватит как бы всю страну. Один взгляд на такое зрелище гораздо действительнее, чем целый ряд нравственных правил, старающихся внушить нам необходимость крайней осмотрительности в мыслях, словах и делах.

С этого плана мы не только можем видеть полностью результат всякого поступка, но можем видеть также — где и в каком направлении результаты других поступков, на вид совершенно не связанных с ним, вступят и видоизменяют результат данного поступка. Поистине можно сказать, что результаты всех, действующих в настоящем причин, ясно видны оттуда, что будущее, такое, какое бы оно было, если бы не возникли совершенно новые причины, лежит открытое нашему взору.

Конечно, новые причины возникают потому, что воля человека свободна; но что касается всех обыкновенных людей, то употребление, которое они сделают из своей свободы, может быть вычислено заранее с достаточной точностью.

У среднего человека так мало истинной воли, что он в сильной степени является созданием обстоятельств; поступки, совершенные им в прежних жизнях, ставят его в известные, окружающие его, условия, и влияние на него этих условий играет до такой степени важную роль в истории его жизни, что его будущее направление может быть предсказано почти с математической точностью. С развившимся человеком дело обстоит иначе; для него главнейшие события тоже подготовлены прошлыми деяниями, но те способы, которыми он позволит этим событиям действовать на себя, те методы, при помощи которых он будет иметь с ними дело и, быть может, восторжествует над ними, — все принадлежат только ему, и даже на деваканическом плане их можно предвидеть лишь предположительно.

Если глядеть таким образом на человека сверху, кажется, что его свободная воля проявляется только в известные критические моменты его жизненного пути. Он достигает до такой точки своей жизни, откуда перед ним ясно открываются две или три альтернативы; он абсолютно свободен выбрать ту из них, которую пожелает;

правда, тот, кто знает его очень хорошо, может быть почти уверенным в том, каков будет этот выбор, но подобное знание со стороны его друга ни в каком случае не может быть названо принудительной силой.

Когда он выбрал, он должен пройти через это и принять все последствия. Вступив на какой-нибудь определенный путь, он часто бывает вынужден идти вперед очень долго прежде, чем ему представится случай свернуть с этого пути.

Его положение несколько напоминает положение машиниста поезда: подходя к месту, где скрещиваются пути, он может направить свой поезд по тому или другому пути, и таким образом перейти на ту линию, на которую хочет, но когда он перешел на одну из них, он уже вынужден катиться по той линии, которую выбрал, до тех пор, пока не достигнет другого скрещения путей, где снова ему представится возможность выбора.

Если глядеть вниз с высоты ментального плана, то все эти точки новых отправок будут отчетливо видны, и все результаты каждого выбора будут лежать перед нами, ясные до самых мельчайших подробностей. Неуверенность останется лишь в одном, самом важном пункте, то есть в том, какой именно выбор сделает человек. Перед нашими глазами будет начерчено не одно, а несколько будущих, но мы не всегда будем в состоянии определить, которое из них материализуется в совершившийся факт. В большинстве случаев вероятность выбора будет так велика, что мы не колеблясь придем к решению, но случай, который я описал, конечно, теоретически возможен.

И этих знаний достаточно, чтобы верно предсказать многое, и нам не будет трудно вообразить, что какая-нибудь гораздо более высокая сила, чем наша, может всегда предвидеть — по какому пути пойдет любой выбор, а следовательно и предсказывать с абсолютной достоверностью.

На буддхическом плане не нужен такой выработанный процесс сознательного расчета, потому что, как я уже говорил, прошлое, настоящее и будущее существуют здесь одновременно, чего совершенно нельзя объяснить на нашем плане.

Можно лишь принять этот факт, потому что причина его лежит в свойствах плана, но каким образом здесь действует высшая способность, это, конечно, совершенно непонятно для физического мозга. Однако от времени до времени мы встречаем намеки, которые как будто подводят нас чуть-чуть ближе к туманной возможности понимания. Один из таких намеков дает д-р Оливер Лодж в своем обращении к Британской Ассоциации в Кардифе. Он говорит: "Время есть лишь относительная точка зрения на вещи. — вот блестящая и полезная мысль. Мы переходим от явления к явлению с некоторой определенной скоростью, и это субъективное движение вперед мы истолковываем объективным образом, как будто бы события непременно должны двигаться в том же порядке и с той же скоростью.

Но, может быть, это только один из способов воспринимать их. События, как прошлые, так и будущие, могут в некотором смысле существовать всегда, и, быть может, это мы подходим к ним, а не они случаются. Нам может помочь сравнение с путешественником в поезде железной дороги: если бы этот путешественник никогда бы не мог выйти из вагона и никогда бы не мог изменить скорости движения поезда, он, вероятно, считал бы, что ландшафты должны неизбежно следовать друг за другом и неспособен постигнуть их одновременного существования.

...Таким образом мы подходим к возможности четырехмерного восприятия времени, неумолимость течения которого, быть может, есть лишь естественное условие нашей ограниченности в настоящем. И если мы поймем ту мысль, что как прошедшее, так и будущее могут действительно существовать, то мы сможем признать, что должны иметь контролирующее влияние на действия настоящего, и оба вместе могут составить "высший план", или совокупность вещей, которую, кажется мне, мы должны искать в связи с указанием формы или детерминизмом и с действием живых существ, сознательно направленным к определенной и предусмотренной цели".

На самом деле время вовсе не есть четвертое измерение, но если на минуту посмотреть на него с этой точки зрения, то это несколько поможет нам подойти к тому, чего понять нельзя.

Предположим, что мы держим деревянный конус под прямым углом к листу бумаги и медленно пропускаем через бумагу этот конус вершиной вперед. Микроб, живущий на поверхности этого листа и неспособный воспринимать ничего такого, что лежит за пределами этой поверхности, не только никогда не сможет увидеть конус, как целое, но не сможет также образовать никакого рода представления о подобном теле. Все, что он увидит, — это внезапное появление маленького круга, который постепенно и таинственно будет становиться все больше и больше, пока наконец не исчезнет из его мира так же внезапно и непонятно, как и появился в нем.

То, что на самом деле есть лишь ряд разрезов конуса, покажется ему последовательными ступенями в жизни круга, и для него невозможно будет помыслить, что эти последовательные ступени могут быть видимы одновременно.

Нам же, конечно, легко, глядя на все это вниз с высоты другого измерения, увидеть, что микроб просто-напросто находится в заблуждении, происходящем от его ограничений, и что конус все время существует, как целое.

Наше собственное заблуждение относительно прошедшего, настоящего и будущего, быть может, похоже на это, и приобретаемая на буддхическом плане точка зрения на всякую последовательность событий соответствует возможности видеть конус, как целое. Само собой разумеется, что всякая попытка выразить эту мысль заводит нас в целую сеть поразительных парадоксов; Но тем не менее факт остается фактом, и наступит время, когда все это будет ясно, как лень, для нашего понимания.

Когда сознание ученика вполне раскрыто на буддхическом плане, тогда для него становится возможным полное предвидение, хотя, вероятно, он не сможет (и даже наверное не сможет) — перенести в свою жизнь результаты своего ясновидения во всей их полноте и точности. Но все же, разумеется, ему доступна большая сила предвидения, если только он хочет ею пользоваться; и даже тогда, когда он не пользуется ею, у него, в его обыденной жизни, бывают проблески предвидения, и часто он мгновенным интуитивным путем знает, как повернутся события, раньше даже, чем они наступили.

Помимо подобного полного предвидения мы находим, как и в предыдущих случаях, что существуют все степени этого типа ясновидения, от случайных, смутных предчувствий, которые не могут в точном смысле слова быть названы зрением, до частых и вполне законченных случаев второго зрения.

Способность, которой дано это несколько неправильное название, чрезвычайно интересна и заслуживает более тщательного и систематического изучения, чем то, какое ей до сих пор посвящалось.

Нам известно, что нередко этой способностью обладают шотландские горцы, хотя нельзя, конечно, сказать, что она принадлежит исключительно им. Случайные примеры ее бывают почти у всех наций, но чаще всего она проявляется у горных жителей и у людей, ведущих уединенный образ жизни. В Англии многие считают ее исключительно достоянием кельтической расы, на самом же деле она встречается во всем мире у народов, занимающих подобное местоположение. Замечено, например, что она очень распространена среди вестфальских крестьян.

Иногда второе зрение заключается в том, что человек видит картину, очень ясно изображающую какое-нибудь событие, которое должно наступить; быть может, еще чаще проблески будущего являются облеченными в какую-нибудь символическую форму.

Нужно отметить, что события, которые предвидятся таким образом, обыкновенно бывают неблагоприятны, чаще всего это смерть. Я не помню ни одного случая, чтобы второе зрение показало что-нибудь такое, что не носило бы самого мрачного характера. У этой способности есть мрачный символизм, составляющий ее особое достояние, символизм саванов, блуждающих кладбищенских огней и прочих похоронных ужасов. В некоторых случаях она до некоторой степени зависит от местности, так как было замечено, что жители острова Скай, обладающие этой способностью, часто теряют ее, когда покидают остров, хотя бы лишь для того, чтобы переехать на материк. Подобный дар иногда бывает наследственным в какой-нибудь семье в течение целых поколений, но это нельзя назвать неизменным законом, потому что часто второе зрение проявляется внезапно у какого-нибудь члена семьи, который до того времени совсем не был подвержен его мрачному влиянию. Я уже приводил пример того, как с помощью второго зрения было за несколько месяцев вперед предсказано наступающее событие. Привожу другой, быть может, еще более поразительный пример, в том виде, как он был мне рассказан одним из действующих лиц.

"Мы углубились в чащу и шли вперед уже около часу, но безуспешно, как вдруг Камерон, который случайно шел ближе всех ко мне, внезапно остановился, побледнел, как смерть, и указывая прямо перед собой, воскликнул с выражением ужаса: — "Смотрите! Смотрите! Милосердный Боже, глядите сюда!" — "Где? Что такое? — закричали мы все разом, бросаясь к нему и озираясь вокруг, ожидая увидеть тигра, кобру, Бог знает что еще, но уже наверное что-нибудь ужасное, если это могло вызвать такое волнение в нашем обыкновенно сдержанном товарище.

Но не видно было ни тигра, ни кобры, ничего кроме Камерона, указывающего с ужасным, диким выражением лица и выкатившимися глазами на что-то, чего мы не могли видеть.

— "Камерон! Камерон! — воскликнул я, хватая его за руку, — ради самого Неба, говорите! В чем дело!" Едва я успел произнести эти слова, как слабый, но очень своеобразный звук поразил мой слух, и Камерон, опуская свою указывающую руку, с усилием произнес хриплым голосом: Вот! Вы слышали? Слава Богу, все прошло! — и упал без чувств на землю.

Наступило минутное замешательство; мы расстегивали его воротник, я брызгал ему в лицо водой, которая к счастью была у меня в моей фляжке, кто-то старался влить ему в рот водки, хотя зубы его были крепко стиснуты; и под шум этого волнения я шепнул на ухо человеку, стоявшему рядом со мной (кстати, одному из самых больших наших скептиков): — "Бошан! Слыхали вы что-нибудь?" — "Как же, да! — отвечал он, — любопытный звук, очень любопытный! Что-то вроде треска или грохота очень далеко, но все же вполне отчетливо; если бы это не было совершенно невозможно, я бы поклялся, что это была ружейная пальба".

"Совершенно такое же впечатление и у меня, прошептал я, — но тише, он приходит в себя?

Минуты через две он был уже в состоянии говорить, хотя и слабым голосом и начал благодарить нас за беспокойство; потом он сел, прислонился к дереву и твердым, хотя все еще тихим голосом сказал: — "Мои дорогие друзья, я чувствую, что должен вам объяснить свое необыкновенное поведение. Этого объяснения я бы охотно избежал; но когда-нибудь я должен буду объясниться, а потому — все равно, пусть это будет теперь. Может быть, вы заметили, что когда во время нашего путешествия вы все принимали участие в насмешках над снами, предзнаменованиями и приведениями, я неизменно избегал высказывать свое мнение по этому поводу. Я это делал потому, что не желал попасть в смешное положение или поднимать споры и вместе с тем не мог согласиться с вами, так как по своему собственному страшному опыту слишком хорошо знал, что мир, который люди согласились называть миром сверхъестественным, так же реален (нет, может быть, еще гораздо реальнее!), как этот мир, который мы видим вокруг нас. Другими словами, я как и многие мои соотечественники, обладаю проклятым даром второго зрения, этой ужасной способностью, рисующей картины несчастий, которые скоро должны наступить.

— Подобное видение у меня как раз только что было; оно исключительно ужасно, и вы видели, как оно меня поразило. Я увидел перед собой труп человека, умершего не спокойной естественной смертью, но жертвой какого-нибудь ужасного случая;

страшная бесформенная масса с лицом вздувшимся, измятым, неузнаваемым. Я видел, что это ужасное тело лежит в гробу и над ним совершается похоронный обряд. Я видел пастора и кладбище; и хотя ни того, ни другого не видел никогда раньше, я прекрасно могу мысленно вызвать их перед глазами. Я видел вас, себя, Бошана, всех нас и многих еще, стоящих вокруг в качестве провожающих покойника. Я видел, как солдаты подняли ружья, когда окончилась служба; я слышал залп из этих ружей и больше не помню ничего".

Когда он упомянул об этом ружейном залпе, я с содроганием взглянул на Бошана; и никогда не забуду выражения застывшем ужаса на его красивом, обыкновенно скептическом лице".

Это лишь один инцидент (и вовсе не самый существенный) в этой замечательной истории психического опыта, но так как в данную минуту нас интересует лишь пример случая второго зрения, который она нам дает, то я должен лишь сказать, что позднее, днем, группой молодых офицеров было найдено тело их командира в том ужасном виде, который так верно описал Камерон. Рассказ продолжается: "Когда на следующий день вечером мы прибыли к месту нашего назначения и с нас сняли показания соответствующие власти, Камерон и я вышли на прогулку, надеясь, что смягчающее влияние природы хоть немного стряхнет с нас парализовавшее нас уныние. Внезапно он сжал мою руку и, указывая на какую-то грубо сделанную решетку, сказал дрожащим голосом: — Да! Вот оно! Это кладбище, которое я видел вчера. — И когда позднее мы были представлены местному капеллану, я заметил (хотя мои друзья и не заметили этого) непреодолимое содрогание, с которым Камерон взял его руку, и я понял, что он узнал пастора своего видения".

Что же касается оккультного объяснения всего этого, то я полагаю, что видение Камерона было чистейшим случаем второго зрения, и если так, то тот факт, что два человека, которые, очевидно, были ближе всех к нему (несомненно, один, а возможно, что и оба прикасались к нему), принимали в этом видении участие в ограниченных пределах, давших им возможность только услышать заключительный залп в то время, как другие, не бывшие так близко, не слышали ничего, — обнаруживает, что интенсивность, с которой видение поразило ясновидящего, вызвала вибрации в его духовном теле, передавшиеся вибрациям лиц, находившихся с ним в соприкосновении, как это бывает при обычной передаче мыслей. Тот, кто пожелает прочесть окончание этой истории, найдет его на страницах "Люцифера" (т. XX, стр. 457).

Легко можно собрать множество примеров подобного же рода. Что же касается тех случаев, когда зрение это принимает символическую форму, то было замечено людьми, обладающими таким зрением, что если, встречая живого человека, они видят вокруг него призрачный саван, то это есть верное предзнаменование смерти этого человека. Время приближения смерти указывается или тем, насколько саван покрывает тело, или тем, в какое время дня было это видение; если это было рано утром, то говорят, что человек умрет в течение этого же самого дня, если же это было вечером, то тогда он умрет в продолжение года.

Другой (и очень замечательный) вариант символической формы второго зрения, это случай, когда перед ясновидящим является безглавый призрак человека, которому угрожает смерть. Пример такого типа дан в "Signs before Death"; это случай в семье д-ра Ферриера, хотя здесь, если я верно припоминаю, видение наступило лишь очень незадолго до смерти.

Переходя от ясновидящих, которые постоянно обладают известной способностью, но управлять ею могут не всегда, мы сталкиваемся с множеством отдельных примеров предвидения, бывающего у людей, у которых это никак нельзя назвать постоянной способностью. Быть может, чаще всего это бывает во сне, но и в примерах, когда это бывает в бодрственном состоянии, тоже нет недостатка. Иногда предвидение относится к событию, имеющему явное значение для ясновидящего, и таким образом нам понятно, почему "ego" берет на себя труд передать его. В других случаях событие или не имеет видимого значения, или ничем не связано с человеком, которому является видение. Иногда ясно, что намерение "ego" (или сообщающего существа — каково бы оно ни было) состоит в том, чтобы предупредить низшее я о приближении какого-нибудь несчастья для того, чтобы это несчастье могло быть предотвращено, или, если это невозможно, чтобы можно было подготовиться к удару и смягчить его.

Чаще всего таким способом предсказывается (и это, быть может, естественно) смерть, иногда смерть самого ясновидящего, иногда кого-нибудь, кто ему дорог.

Случаи такого предвидения так обычны в литературе по этому предмету и цель их так очевидна, что нам едва ли нужно приводить примеры; но один-два примера пророческого зрения,

явно полезного и не столь мрачного характера, будут небезынтересны читателю. Следующий пример заимствован из книги Кроу "Night Side of Nature", этой богатой сокровищницы для всех, изучающих непознанное.

"Несколько лет тому назад доктор Ватсон, живущий теперь в Глазго, видел во сне, что его пригласили к пациенту в местечко, находящееся на расстоянии нескольких миль от того места, где он жил; ему снилось, что он отправился верхом на лошади, и что когда он пересекал болото, он увидал быка, бешено бросившегося на него; он спасся от рогов этого быка, укрывшись в одном местечке, недоступном животному;

здесь он долго ждал, пока какие-то люди, видевшие его положение, не пришли к нему на помощь и не освободили его.

Между тем, на следующее утро, во время раннего завтрака пришло приглашение.

Улыбаясь по поводу странного совпадения (как он думал), он выехал верхом на лошади. Он совсем не знал дороги, по которой ему нужно было ехать, но вот он подъехал к болоту, которое узнал, и тут же появился бык, стремительно несшийся по направлению к нему. Но во сне он видел место, где можно спастись, и этим местом не замедлил воспользоваться. Здесь он провел три или четыре часа, причем животное держало его в осаде, пока его не освободили местные крестьяне. Д-р Ватсон объявляет что, если бы не сон, он бы не знал, куда броситься за спасением".

Другой случай, в котором гораздо более долгий промежуток времени отделяет предупреждение от его выполнения, приводит д-р Ф. Г. Ли в своей книге "Glimpses of Supernatural".

"Миссис Ганна Грин, экономка в семье, жившей в деревне в Оксфордшире, видела однажды во сне, что она осталась совершенно одна дома в воскресенье вечером, и что услышав стук в парадную дверь, она подошла к ней и увидела подозрительного вида бродягу, вооруженного дубиной, который ломился в дом. Ей казалось, что она боролась с ним, не давая ему войти, но безуспешно, и что он ее ударил и она упала без чувств, а он проник в дом. На этом она проснулась.

Так как в продолжение долгого времени ничего такого не случилось, то обстоятельства сна скоро были забыты и, как она сама утверждает, совершенно вылетели у нее из головы. Тем не менее семь лет спустя, этой самой экономке вместе с другими двумя слугами был поручен уединенный дом в Кенсингтоне. И вот однажды в воскресенье, когда другие слуги ушли и оставили ее одну, она была внезапно испугана громким стуком в парадную дверь.

И вдруг неожиданное воспоминание о когда-то виденном сне предстало перед ней с удивительной живостью и с замечательной силой, и она ясно почувствовала свое одинокое положение. Поэтому она сначала зажгла лампу на столе в прихожей (тем временем громкий стук еще раз повторился с большой силой), а потом имела неосторожность подняться на площадку лестницы и открыть окно; и тогда к своему величайшему ужасу она увидела наяву того самого человека, которого за несколько лет до того видела во сне; он был вооружен дубиной и требовал, чтобы его впустили.

Не теряя присутствия духа, она спустилась вниз к главному входу, хорошенько заперла эту дверь и другие двери и окна, и затем стала с силой звонить во все колокольчики дома, и зажгла огни в верхних комнатах. Оказалось, что все это спугнуло злоумышленника".

Очевидно, и в этом случае также сон был практически нужен, так как без него почтенная экономка, без сомнения, прямо в силу привычки открыла бы дверь, как обыкновенно, в ответ на стук.

Но "его" не только во сне старается запечатлеть в своем низшем "я" то, что считает для него нужным. В книгах можно найти много таких примеров, но вместо того, чтобы приводить их, я расскажу случай, сообщенный мне всего несколько недель тому назад одной моей знакомой дамой; случай этот хоть и не окружен романтическими обстоятельствами, имеет, однако, ту заслугу, что он — новый.

Итак, у моей приятельницы двое маленьких детей и незадолго до того старшая девочка простудилась и несколько дней чувствовала какую-то неловкость в верхней части носа. Мать не особенно задумывалась над этим, надеясь, что это пройдет, но вдруг однажды она увидела перед собой в воздухе, как она описывает, изображение комнаты, в центре которой стоял стол; на столе лежала ее девочка не то без чувств, не то мертвая, а над ней наклонялись какие-то люди. Она ясно видела малейшие подробности этой картины и, в частности, заметила, что на девочке была белая ночная рубашка, между тем как на самом деле все белье этой девочки было розовое.

Это видение произвело на нее сильное впечатление и в первый раз навело ее на мысль, что, быть может, ребенок страдает от чего-нибудь более серьезного, чем простуда. Она снесла девочку в больницу для осмотра.

Хирург, осматривавший девочку, обнаружил присутствие опасной опухоли в носу, которая, как он заявил, должна быть удалена. Через несколько дней ребенок был взят в больницу для операции и уложен в кровать. Когда мать приехала в больницу, оказалось, что она забыла захватить с собой ночную рубашку своей девочки, и тогда сестры милосердия достали ночную рубашку, которая оказалась белой. В этой белой рубашке девочка и перенесла операцию на следующий день в той самой комнате, которую ее мать видела во всех подробностях в своем видении.

Во всех этих случаях предвидение достигает своей цели, но книги полны рассказов о предупреждениях, на которые не обращали внимания или над которыми смеялись, и о следовавших за этим несчастьях. Иногда известие получает такое лицо, которое фактически не может вступить в дело, как в историческом примере, когда Джон Виллиамс, заведующий рудниками в Корнваллисе, видел, как убили канцлера казначейства Спенсера Персеваля, когда он входил в Палату Общин, — за восемь или девять дней до того, как это убийство совершилось на самом деле. Но, может быть, даже и в этом случае что-нибудь могло быть сделано, так как мы читаем, что Виллиамс был сильно поражен и советовался со своими друзьями — не поехать ли ему в Лондон, чтобы предупредить Персеваля. Они отговорили его, и убийство совершилось. Впрочем, если бы даже он и поехал в город и рассказал эту историю, вряд ли на него обратили бы внимание; но все же возможно, что были бы приняты некоторые предосторожности, которые предупредили бы убийство.

Нам непонятно, чем было вызвано это любопытное пророческое видение. Обе стороны были совершенно неизвестны друг другу, так что тесная привязанность между ними не могла играть здесь роли. Если это была попытка со стороны какого-нибудь невидимого помощника, желающего предотвратить грозящее несчастье, то странно, что никого достаточно восприимчивого не нашлось ближе Корнваллиса. Быть может, Виллиамс, находясь в астральном плане во время сна, случайно встретился с этим отражением будущего и, придя в ужас, передал это впечатление своему низшему разуму в надежде, что что-нибудь может быть сделано для предупреждения этого;

нельзя ничего сказать с достоверностью, не рассмотрев Акаша-хронику и не увидев там, что произошло на самом деле.

Типичный пример совершенно бесцельного предвидения приводит Стэд в своих "Real Ghost Stories". Его приятельница мисс Фрир (чаще называемая мисс X), гостя как-то на даче, находясь в полном сознании, увидела запряженный белой лошастью и стоящий у дверей вестибюля экипаж с двумя незнакомцами; один из них вышел из экипажа и, стоя, играл с терьером. Она заметила, что на нем был ульстер, а также особенно поразили ее свежие следы колес, оставленные экипажем на песке. Однако, в то время там ничего такого не было; но через полчаса два незнакомца действительно подъехали в таком экипаже, и каждая подробность видения этой дамы была в точности выполнена.

Далее Стэд приводит другой пример такого же бесцельного предвидения, когда между сном (в этом случае был сон) и его выполнением прошло семь лет.

Все эти примеры, случайно выбранные из сотен других, показывают, что в "его" несомненно заложена некоторая способность предвидения, и такие случаи, очевидно, случались бы гораздо чаще, если бы не крайняя непроницаемость и не отсутствие отзывчивости в низших проводниках большинства тех людей, которых мы называем цивилизованными; свойства же эти, главным образом, нужно приписать тяжелому, практическому материализму нашего века. Я говорю, конечно, не о какой-либо профессии, связанной для человека с материалистическим взглядом на вещи, но о том факте, что во всех практических делах обыденной жизни почти каждый руководствуется исключительно соображениями эгоистических интересов в той или иной форме.

Во многих случаях само "его" бывает неразвито и поэтому предвидение его очень смутно. В других случаях "его" само видит ясно, но его низшие проводники до такой степени невпечатлительны, что ему ничего не удастся внушить физическому мозгу, кроме неопределенного предчувствия приближающегося несчастья. Есть и такие случаи, когда предостережение посылает не "его", а какое-нибудь существо со стороны, почему-либо принимающее дружеское участие в том лице, которое получает это ощущение. В своей книге, о которой я упоминал выше, Стэд говорит нам о том, как он за много месяцев вперед был уверен в том, что ему будет поручена "Pall Mall Gazette", хотя с обычной точки зрения трудно было представить себе что-нибудь менее вероятное. Явилось ли это предвидение результатом влияния его собственного "его", или то было дружеское указание от кого-нибудь иного — невозможно сказать, не сделав определенных исследований; во всяком случае доверие Стэда к этому предчувствию вполне оправдалось.

Есть еще один тип ясновидения во времени, который не следовало бы оставить без упоминания. Случаи его сравнительно редки, но все же существует достаточно примеров, останавливающих наше внимание, хотя к сожалению нам обыкновенно дают не те сведения, которые

нужны, чтобы хорошо расследовать эти случаи. Я говорю о явлениях спектральных армий или призрачных стад животных. В "Night Side of Nature" мы находим сообщения о нескольких таких видениях. Там рассказывается о том, как в Гавара Парке, близ Риплей несколько достойных доверия людей видели корпус солдат в белых мундирах; их было несколько сотен, они сделали несколько поворотов и потом исчезли; а за несколько лет до того подобную же призрачную армию видели по соседству от Инвернесса один почтенный фермер и его сын. В этом случае также количество войск было очень велико, и зрители сначала ни мало не сомневались в том, что это были настоящие существа из плоти и крови. Они насчитали по крайней мере шестнадцать пар колонн, и времени у них было достаточно, чтобы заметить все подробности. Впереди солдаты двигались по семи человек в ряд; их сопровождало множество женщин и детей, которые несли оловянные кружки и разные принадлежности для стряпни. Мужчины были одеты в красное, и оружие их ярко сверкало на солнце. Посреди них находилось какое-то животное, не то олень, не то лошадь, нельзя было различить; солдаты бешено погоняли его своими штыками. Младший из наблюдавших мужчин заметил другому, что от времени до времени задние ряды принуждены были бежать, чтобы догнать авангард, а старший, бывший раньше солдатом, ответил, что это всегда так бывает, и посоветовал ему, если он когда-нибудь будет служить, стараться маршировать впереди. Там был только один верховой офицер; он ехал на серой лошади и на нем была шляпа с золотыми позументами и синяя гусарская шинель с откидными рукавами, отороченными красным. Оба зрителя рассмотрели его так подробно, что, как они говорили после, они бы узнали его везде. Однако, они испугались, что с ними обойдутся дурно или что заставят их идти вместе с войсками, которые, по их заключению, пришли из Ирландии и сделали привал в Кинтайре; но в то время, как они стали перелезать ров, чтобы скрыться с их пути, все исчезло.

Явление подобного же рода наблюдалось в начале нашего столетия в Падсборне в Вестфалии, и видело его по крайней мере тридцать человек; но так как через несколько лет после того на этом самом месте был сделан смотр двадцати тысячам человек, то решено было, что видение это было случаем второго зрения, способностью, довольно часто встречающейся в округе. Подобные спектральные толпы часто являются в тихих местах, где армия обыкновенных людей никаким образом не могла бы пройти. Один из наиболее замечательных рассказов о явлениях подобного рода приводит Гарриет Мартино в своем описании "Английских озер". Он пишет следующее: "Соутер Фелл — это гора, на которой духи появлялись мириадами через известные промежутки времени в продолжение десяти лет прошлого столетия; они являлись двадцати шести избранным свидетелям и всем жителям коттеджей, из которых видна была гора, в продолжение двух с половиной часов, причем представления духов оканчивались с наступлением темноты!

Нужно помнить, что гора изобилует пропастями, и там совершенно не могут проходить толпы людей, а северная и западная сторона ее представляют собой отвесный перпендикуляр в 900 футов.

Накануне летнего солнцестояния в середине лета 1735 года, служащий на ферме Ланкастера, находящейся в полумиле от горы, увидел, что восточная часть ее вершины покрыта войсками, которые двигались вперед в продолжение часа. Они появлялись отдельными отрядами с возвышения на северной стороне и исчезали в углублении вершины. Когда бедняга рассказал свою историю, все стали издеваться над ним, как обыкновенно издеваются над всеми самостоятельными наблюдателями, если они видят что-нибудь удивительное. Через два года после того, накануне того же дня, мистер Ланкастер увидел там несколько человек, которые видимо следовали за своими лошадьми, как будто бы возвращаясь с охоты. Он ничего не подумал по этому поводу, но когда случайно через десять минут снова взглянул вверх, он увидел те же фигуры верхом, а за ними бесконечные ряды войск по пяти человек в ряд,двигающихся сверху над расщелиной, как раньше. Все семейство видело это, и маневры войск, и то, как каждым отрядом командовал верховой офицер, который галопировал взад и вперед. Когда спустились тени сумерек, дисциплина как будто ослабела, войска перемешались, стали двигаться неравномерно, и, наконец, все исчезло в темноте. Теперь, конечно, и над всеми Ланкастерами стали смеяться, как раньше над их слугой; но через некоторое время явилось их оправдание.

В канун летнего солнцестояния 1745 г. двадцать шесть человек, нарочно вызванных семьей, видели все то, что наблюдалось раньше, и больше того. Теперь при армии был обоз; а между тем всякий знал, что никаких экипажей не было и не могло быть на вершине Соутер Фелл. Количество людей нельзя себе было и вообразить; войска занимали пространство с полмили и быстро маршировали, пока ночь не скрыла их, все еще продолжающих маршировать. В облике этих призраков ничего не было туманного и неясного. Они казались такими реальными, что некоторые из

людей поднялись вверх на следующее утро, чтобы поискать следов лошадиных подков; и страшно им было, когда они не нашли ни одного следа ни на вереске, ни на траве.

Свидетели клятвенно подтверждали весь этот рассказ перед судьей; и вся округа с ужасом ждала наступающих событий шотландского мятежа.

Оказалось, что еще два другие лица видели нечто в этом же роде в тот же промежуток времени, в 1745 г., но скрыли это, чтобы избежать насмешек, которым подвергались соседи. Рен из Вильтон Халл и один работник, служивший у него на ферме, видели как-то в один летний вечер человека и собаку в горах, преследующих каких-то лошадей на таком крутом месте, на каком едва ли бы лошадь могла держаться. Они двигались с поразительной быстротой и так внезапно исчезли с южного склона, что Рен и работник поднялись на следующее утро на горы, чтобы поискать тело человека, который наверно был убит. Но они не нашли никаких следов ни человека, ни лошади, ни собаки; и они спустились вниз и держали язык за зубами.

Что же касается объяснения, то издатель "Lonsdale Magazine" объявил, что накануне летнего солнцестояния 1745 года мятежники упражнялись на западном побережье Шотландии, а движения их отражались в прозрачном тумане, подобном фата-моргана. Такого объяснения слишком недостаточно, но, насколько мы знаем, это все, что можно сказать в настоящее время. За этими фактами открылись многие другие, как например, призрачное движение такого же рода, виденное в Лейстершире в 1707 году, и предание о прохождении армий над Хельвеллином накануне битвы при Марстон Мур".

Приводятся еще и другие случаи явлений призрачных овечьих стад на некоторых дорогах, и, конечно, различные немецкие истории о фантастических кавалькадах охотников и разбойников.

Как это часто бывает при исследовании оккультных явлений, можно найти различные возможные причины, из которых любая могла бы вызвать наблюдаемое явление, но при отсутствии более полных сведений можно лишь сделать попытку понять, какая из этих возможных причин действовала в каждом отдельном случае.

Чаще всего дается такое объяснение (если, конечно, вся история не отвергается, как ложная), что это мираж, то есть отражение движений настоящих войск, происходящих на значительном расстоянии. Я сам несколько раз видел обыкновенные миражи и знаю, как удивительно они могут обманывать; но мне кажется, что нужно допустить совершенно новый род миража, не такой, какой известен теперь науке, чтобы объяснить эти рассказы о призрачных армиях, некоторые из которых проходят мимо зрителя на расстоянии нескольких ярдов.

Во-первых, возможно, что это (как, по-видимому, в приведенном выше Вестфальском случае) — просто предвидение в гигантском масштабе, но кем организованы эти явления и для какой цели — нелегко разгадать; иногда они могут принадлежать прошедшему, а не будущему и быть на самом деле отражением сцен из Акаша-хроники, хотя опять-таки здесь ни причины, ни методы подобных отражений не ясны.

Есть множество разнородных духов природы, которые были бы вполне способны, если бы пожелали это сделать, вызвать подобные явления своей чудесной силой колдовства, и это вполне соответствует их страсти мистифицировать и поражать человеческие существа. Иногда у них может быть и добрый умысел — предупредить своих друзей о событиях, которые, как они знают, должны совершиться.

По-видимому, объяснение в этом направлении будет наиболее разумным объяснением для необычных явлений, описанных Мартино, в том случае, конечно, если можно доверять этим рассказам.

Возможно также и то, что в некоторых случаях за солдат были приняты сами духи природы, совершающие какие-нибудь предписанные им эволюции, которые они так любят; но нужно, впрочем, сказать, что эти эволюции мало похожи на военные упражнения, и разве лишь самые невежественные люди могут ошибиться в этом отношении.

Стада животных, вероятно, в большинстве случаев просто явления из прошлого, но есть случаи, когда они, как "дикий охотник" немецкой сказки, принадлежат к совершенно другой категории явлений, не относящихся к нашему настоящему предмету. Изучающие оккультизм хорошо знают тот факт, что обстоятельства, окружающие всякую сцену, исполненную интенсивного ужаса или страсти (например, сцену какого-нибудь исключительного ужасающего убийства), имеют способность вновь возникать, и для того, чтобы видеть форму, в которой они воспроизводятся, нужно очень небольшое развитие психических способностей; иногда случалось, что различные животные тоже входили в состав такой обстановки, а, следовательно, они тоже периодически воспроизводятся действием чувствующей свою вину совести убийцы.

По всей вероятности, каковы бы ни были основания для всех этих фактов, различные рассказы о призрачных всадниках и охотничьих кавалькадах, в общем, можно отнести к этой категории. Этим, очевидно, объясняются также некоторые явления призрачных армий, как например, то замечательное воспроизведение битвы при Эджхилле, которое, по-видимому, происходило через несколько месяцев после дня настоящего сражения и было подтверждено мировым судьей, пастором и другими свидетелями очевидцами в любопытной, недавно появившейся брошюре*. Как сказано в этой брошюре, случай был исследован в свое время офицерами армии, которые хорошо узнали многих из увиденных ими призрачных лиц. Положительно, это похоже на пример страшной способности человеческих несдержанных страстей воспроизводить самих себя и каким-то странным путем давать нечто вроде своей собственной материализации. В некоторых случаях ясно, что виденные стада животных были просто толпами нечистых искусственных элементаров, принимающих эту форму для того, чтобы напитаться отвратительными эманациями особенно ужасных мест, каковы, например, места, где стояли виселицы. Пример этого рода, описанный в "More Glimpses of the World Unseen", представляют собой знаменитые "Gyb Ghosts" или духи виселицы, которые постоянно являлись в виде стад безобразных свиноподобных существ, бегающих, копающихся и дерущихся каждую ночь на том месте, где стоял этот памятник преступления. Но это скорее принадлежит к области привидений, а не к области ясновидения.

Глава IX МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ

Лечебный магнетизм. — Как достигнуть ученичества. — Тоска. Ограничения. — Ожидающее нас будущее.

Когда человек убеждается в реальном значении силы ясновидения, он обыкновенно первым делом задает себе вопрос: "Как мне в самом деле развить эту способность, которая, как говорят, находится в скрытом состоянии в каждом из нас?".

Существует много методов развития в себе способности ясновидения, но безопасно рекомендовать для общего употребления можно лишь один из этих методов, а именно тот, о котором мы будем говорить после всего.

У более отсталых наций состояние ясновидения достигается с помощью различных предосудительных приемов: у некоторых из неарийских племен Индии — употреблением опьяняющих снадобий или дыханием одуряющих курений; у дервишей — кружением в диком танце религиозного усердия до головокружения и бесчувствия; у последователей отвратительных приемов культа Вуду — принесением страшных жертв и исполнением гнусных обрядов черной магии. Подобные методы, к счастью, не в большом ходу у представителей нашей расы, но даже и у нас очень многие, впутывающиеся в это древнее искусство, не имея о нем понятия, пользуются некоторыми приемами самогипноза, каковы, например, гляденье на яркое пятно или повторение какой-нибудь формулы до одурения; а есть и такая школа, которая пытается достигнуть тех же результатов с помощью некоторых индийских систем регулирования дыхания.

Все эти методы несомненно должны быть отвергнуты, как очень небезопасные для обыкновенного человека, который сам не знает, что делает, производя неясные опыты в неведомом ему мире. Даже от такого способа достижения ясновидения, когда одно лицо позволяет другому себя загипнотизировать, я бы первый отшатнулся с самым решительным отвращением. И, конечно, никогда не следовало бы делать таких опытов иначе, как под условием полного доверия и привязанности между магнетизером и магнетизируемым, и такой полной чистоты сердца и души, мыслей и намерений, какую редко можно встретить у кого-нибудь, кроме величайших святых.

Опыты в связи с магнетическим (гипнотическим) трансом представляют собой глубочайший интерес между прочим и в том отношении, что они доказывают факты ясновидения скептикам, и все же иначе как при наличности тех условий, о которых я сейчас упомянул (и которые, я допускаю это, почти невозможно выполнить), я бы никогда никому не посоветовал позволить делать эти опыты над собой.

Лечебный магнетизм (в котором без приведения пациента в состояние транса делается попытка облегчить его боль, устранить его болезнь, или влить в него жизненные силы с помощью магнетических пассивов) имеет совсем другие основания; и если магнетизер, хотя бы и совершенно

---

* "Prodigious Noises of War and Battle, at Edgehill, near Ketnton, in Northamptonshire".

нетренированный, сам находится в добром здравии и одушевлен чистыми намерениями, вряд ли он принесет какой-либо вред пациенту. В таком крайнем случае, когда нужна, например, хирургическая операция, человек может благоразумно подчиниться даже гипнотическому трансу, но, конечно, это не такое условие, с которым можно легко экспериментировать. Положительно, я бы очень усиленно советовал всякому, кто сделал бы мне честь спросить моего мнения по этому поводу, — не предпринимать никаких опытных исследований того, что все еще остается для него сверхнормальными силами природы, пока он прежде не прочел внимательно всего, что было написано по этому вопросу, или, что гораздо лучше всего, пока он не находится под руководством знающего учителя.

Но где, спросят меня, найти знающего учителя? Конечно, не среди тех, которые рекламируют себя, как учителей, предлагая передать вам за такое-то количество денег священные тайны веков, или открывая "кружки развития", в которые случайные члены допускаются за столько-то и столько-то с человека.

Много в этой книге было говорено о необходимости серьезной тренировки, об огромных преимуществах тренированного ясновидящего перед нетренированным; но это опять возвращает нас к тому же самому вопросу: где можно получить эту окончательную тренировку?

Ответ на этот вопрос такой, что тренировка может быть получена именно там, где ее всегда можно было получить с самого начала истории мира — у Великого Белого Братства Адептов, которое стоит и теперь, как оно и всегда стояло, за человеческой эволюцией, направляя ее и помогая ей по указаниям великих космических законов, которые представляют для нас Вечную Волю.

Но как подойти к ним? — могут нас спросить. Каким образом человек, стремящийся к знанию, даст им знать о том, что он хочет научиться?

Еще раз скажу: только с помощью тех методов, которые уже давно заслужили себе уважение. Нет никакого нового патента, который дал бы человеку право без всяких затруднений сделаться учеником этой школы; нет торной дороги к тому учению, которое там дается. В настоящее время совершенно так же, как и в туманные времена древности, человек, желающий привлечь к себе внимание Учителей, должен прежде всего научиться брать себя в руки и сделать себя тем, чем он должен быть.

Ступени этого пути — не тайна; я очень подробно говорил о них в "Невидимых Помощниках", поэтому мне незачем повторять это здесь.

Но это нелегкий путь, а между тем рано или поздно все должны пройти по нему, потому что великий закон эволюции влечет человечество медленно, но неуклонно к своей цели.

Из всех толпящихся на этом пути великие Учителя выбирают своих учеников, и только если человек готов к тому, чтобы воспринимать это учение, может он найти к нему доступ. Если не будет этого условия, то хотя бы он был членом любой Ложы или Общества, тайного или явного, это не подвинет его к цели ни на йоту. Это правда, и все мы это знаем, что по настоянию некоторых из этих учителей было основано наше Теоефическое Общество, и что из его рядов некоторые были выбраны для того, чтобы войти в более близкое общение с ними. Но выбор зависит от серьезности кандидата, а не от простой его принадлежности к Обществу или кружку.

Итак, чтобы избрать единственный вполне верный способ развития ясновидения, человек должен собрать всю свою энергию и вступить на путь нравственной и умственной эволюции, на ступенях которой начнут сами собой раскрываться постепенно его высшие способности. Все же и здесь есть один прием, который одинаково рекомендуется всеми религиями, и прием этот, если отнести к нему с осторожностью и уважением, не может причинить вреда ни одному человеческому существу, а между тем из него иногда развивается чрезвычайно чистый тип ясновидения; я говорю о медитации.

Пусть человек наметит себе каждый день определенное время, когда он может рассчитывать, что его остановят в покое, и никто его не потревожит, — и настроит себя на это время так, чтобы ум его в течение нескольких минут был совершенно свободен от всех земных мыслей какого-бы то ни было рода, и когда этого удастся достигнуть, пусть он направит всю силу своего существа на высочайший духовный идеал, какой он знает. Он увидит, что достигнуть такого полного контроля над своими мыслями несравненно труднее, чем он предполагает. Но если он этого достигнет, это будет во всех отношениях в высшей степени благотворно для него и по мере того, как он будет все более и более возвышать и сосредоточивать свою мысль, он постепенно увидит, что новые миры начнут раскрываться перед ним.

Но если бы те, которые так страстно жаждут ясновидения, могли бы получить его хоть на время, на один день или даже на один час, — захотели бы они удержать за собою этот дар? В этом

можно усомниться. Правда, он открывает перед ними новые миры для изучения, новые возможности быть полезными и из-за последней причины многие из нас чувствуют, что стоит этому отдаться; но нужно помнить, что для того, кого долг все еще призывает жить в мире, это ни в коем случае не может быть только благом. На человека, в котором раскрылось это зрение, скорби и бедствия, зло и алчность мира действуют, как вечно присущая тяжесть, так что в первые дни своего познания он часто склонен повторить страстное заветное, заключенное в этих трепещущих строках Шиллера:

Dein Orakel zu verkuenden, warum warfest du mich hin
In die Stadt der ewig Blinden, mit dein aufgeschlossnen Sinn?
Frommt's, den Schleier aufzuheben, wo das nahe Schreckniss droht?
Nur der irrthum ist das Leben; dieses Wissen ist der Tod.
Nimm, o nimm die traur'ge Klarheit mir vom Aug'den blut'gen Schein!
Schrecklich ist es deiner Wahrheit sterbliches Gefass zu sein!

Строки эти можно перевести так: "Зачем ты ввергнул меня в город вечной слепоты, чтобы раскрывшимся чувством провозглашать твоего оракула? Зачем поднимать покров, из-за которого грозит приближающаяся скорбь? Только в незнании — жизнь; это знание — смерть. Возьми назад это печальное ясновидение, прочь от глаз моих этот жестокий свет! Ужасно — быть смертным сосудом твоей истины!" И дальше он опять восклицает: "Верни мне мою слепоту, счастливую темноту моих чувств; возьми назад свой страшный дар!" Но, конечно, это ощущение проходит, потому что высшее зрение скоро показывает ученику нечто более высокое, чем скорбь, оно дает его душе всеохватывающую уверенность в том, что какой бы вид ни имели здесь внешние факты, все, без всякой тени сомнения, ведет к всеобщему и окончательному благу. Он понимает, что грех и страдания существуют, видит ли он их, или нет, и что, видя их, он в конце концов может принести более существенную помощь, чем работая в темноте; и так он постепенно научается нести свою долю в тяжелой карме мира.

Есть такие заблуждающиеся люди, которым даны некоторые проблески этой высшей способности и которые до такой степени не умеют правильно отнестись к ней, что пользуются этими проблесками для самых низких целей, даже объявляют себя "испытанными специалистами по ясновидению". Бесполезно говорить, что подобное употребление своей силы есть простое проституирование и унижение ее, показывающее, что несчастный обладатель этой силы каким-то образом получил ее раньше, чем нравственная сторона его натуры достаточно развилась для того, чтобы выдерживать ответственность, которую она налагает. Понимание всей той злой кармы, которая может быть в очень короткое время порождена подобными поступками, превращает наше отвращение в жалость к человеку, повинному в святотатственном безумии.

Иногда приводят в виде возражения, что обладание ясновидением уничтожает все приватно-сокровенное и дает неограниченную возможность заниматься чужими тайнами. Несомненно, оно дает эту возможность, но тем не менее этот упрек кажется забавным всякому, кто хоть сколько-нибудь практически знаком с этим делом. Подобное возражение может быть основательно по отношению к очень ограниченным способностям "испытанных специалистов по ясновидению", но человек, выставляющий его против тех, у которых эта способность раскрывалась по мере того, как они учились, и которые поэтому обладают ею в полной мере, забывает три основных факта: во-первых, что совершенно нелегко, чтобы кто-либо, имея перед собой великолепное поле наблюдения, которое истинное ясновидение раскрывает перед ним, почувствовал бы хоть малейшее желание рыться в лживых и мелких тайнах всякого отдельного человека; во-вторых, что если бы по какому-нибудь невозможному случаю у нашего ясновидящего явилось бы такое нескромное любопытство по отношению к каким-нибудь мелким сведениям, — то нужно помнить, что в конце концов существует такая вещь, как честь джентльмена, которая и на том плане, как и на этом, конечно, удержит его даже от минутной мысли о том, чтобы удовлетворить это любопытство; и, наконец, на случай (едва ли возможный) встречи с какой-нибудь разновидностью питри низшего сорта, для которой вышеприведенные соображения не будут иметь значения, — всегда каждому ученику, как только в нем начинают развиваться признаки способности, лаются подробные наставления относительно ограничения пользования этой способностью.

Короче говоря, эти ограничения таковы, что не должно быть ни нескромного любопытства, ни пользования своими способностями для эгоистических целей, ни показывания феноменов. То есть, предполагается, что те же самые соображения, которые руководят поступками порядочного человека на физическом плане; будут руководить им также и на астральном и на ментальном плане; что ученик никогда и ни при каких обстоятельствах не будет пользоваться силой, которую дает ему его новое знание, для того, чтобы получить какие-нибудь земные выгоды, вообще, для какого бы то

ни было захвата; и что он никогда не будет показывать то, что в спиритических кружках называется "явлением", то есть что-нибудь несомненно доказывающее скептикам на физическом плане обладание тем, что для них покажется сверхъестественной силой.

По поводу этих последних некоторые люди часто говорят: "Но почему бы и нет? Было бы так легко опровергнуть и убедить вашего скептика, и это принесло бы ему пользу". Такие критики теряют из вида тот факт, что прежде всего никто из тех, кто что-нибудь знает, не желает опровергать скептиков или, вообще, хоть сколько-нибудь принимать к сердцу то или иное отношение скептиков; а затем, они не могут понять, насколько лучше будет для того же скептика, чтобы он, постепенно развиваясь, научился оценивать факты природы, а не был бы внезапно приведен к этому каким-то сногшибательным ударом. Но вопрос этот был подробно рассмотрен много лет назад в "Оккультном Мире" Синнетта и бесполезно будет снова повторять доказательства, приведенные там.

Некоторым из наших друзей очень трудно представить себе, что глупая болтовня и праздное любопытство, которые так всецело заполняют жизнь неосмысленного большинства людей на земле, — не найдут себе места в более реальной жизни ученика; и поэтому они иногда спрашивают, не может ли ясновидящий случайно, без всякого специального желания увидеть какой-нибудь секрет, который другое лицо старается сохранить, подобно тому, как чей-нибудь взгляд может нечаянно упасть на какую-нибудь фразу раскрытого письма, случайно лежащего на столе. Конечно, может, но что же из этого? Честный человек сразу отведет глаза, как в том, так и в другом случае, и будет так, точно он ничего не видел. Если бы те, которые так возражают, могли бы хоть сколько-нибудь подойти к мысли, что никакой ученик не занимается чужими делами, исключая те случаи, когда в пределах его возможности оказывается помощь другим, и что перед ним всегда целый мир своей собственной работы, на которую он должен устремить свое внимание, они бы не были так безнадежно далеки от понимания фактов более широкой жизни тренированного ясновидящего.

Даже из того немногого, что я сказал относительно ограничений, налагаемых на ученика, ясно, что в очень многих случаях он будет знать гораздо больше, чем он может сказать. Это, конечно, верно и в гораздо более широком смысле по отношению к самим великим Учителям Мудрости, но именно поэтому те, кому дано преимущество иногда находиться в их присутствии, относятся с таким уважением к малейшему из их слов даже по поводу предметов, совершенно далеких от прямого учения. Потому что мнение Учителя, или даже одного из его наиболее высоких учеников относительно любого предмета есть мнение человека, чьи возможности судить правильно совершенно несоизмеримы с нашими.

Его положение и его расширенные способности, в сущности, — наследство всего человечества, и как ни далеки мы теперь от этих великих сил, тем не менее верно то, что некогда они будут нашими. И как изменится наш старый мир, когда все человечество будет обладать высшим ясновидением! Подумайте, как изменится отношение к истории, когда все смогут читать хронику; к науке, когда все процессы, о которых теперь люди строят теории, можно будет непосредственно наблюдать; к медицине, когда и доктор, и пациент, одинаково ясно и точно могут видеть все, что сделано; к философии, когда уже не будет возможности спорить о ее основах, потому что все одинаково смогут видеть более широкий аспект истины; к труду, когда всякая работа будет радостью, потому что каждый человек будет приставлен лишь к тому, что он может выполнить лучше всего; к воспитанию, когда умы и сердца детей открыты учителям, стремящимся образовать их характер; к религии, когда больше уже нельзя будет спорить о ее широких догмах, так как истина относительно посмертного существования и Великого Закона, управляющего миром, будет очевидна всем.

И, главное, несколько легче будет развитым людям помогать друг другу при этих свободных условиях! Возможности, открывающиеся уму, как блестящие перспективы простираются по всем направлениям, так что наш седьмой круг поистине будет настоящим золотым веком. Хорошо для нас, что этими великими способностями не будет обладать все человечество до тех пор, пока оно не разовьется до гораздо более высокой ступени нравственности и мудрости, иначе мы лишь еще раз и при еще худших условиях повторили бы падение великой атлантической цивилизации, действующие лица которой не поняли, что увеличение силы означает увеличение ответственности. И, однако же, большинство из нас самих были среди тех самых людей; будем надеяться, что это падение научило нас мудрости, и что когда возможность более широкой жизни откроется перед нами снова, — на этот раз мы лучше выдержим испытание.

Пер. М. Станюкович

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

